

Бернард
[вербер]

: МЫ, БОГИ

«Мы, боги» — новая книга знаменитого французского писателя Бернарда Вербера. Роман — логическое продолжение «Империи ангелов», при этом он является вполне самостоятельным произведением. Сам писатель считает «Мы, боги» началом новой увлекательной трилогии. Во Франции книга уже стала национальным бестселлером! В настоящее время ведутся переговоры об экранизации романа.

Бернард Вербер
МЫ, БОГИ

Посвящается Жерару Амзаллагу, свободомыслящему человеку

ПРЕДИСЛОВИЕ

А что если не самые утонченные, а самые жестокие цивилизации оставили свой след в человеческой истории?

Ведь если посмотреть внимательно, исчезнувшие культуры не обязательно были самыми неразвитыми. Иногда для того, чтобы покачнулась судьба целого народа, достаточно наивного вождя, которого враги обманули обещаниями мира, или непредвиденных погодных условий, меняющих ход сражения. Затем историки победителей переписывают по собственному усмотрению прошлое побежденных, чтобы оправдать их уничтожение. А чтобы лишить следующие поколения всяких сомнений, дебаты закрываются формулой «горе побежденному». Дарвин даже нашел научное оправдание этим убийствам — «естественный отбор» и теория «выживания наиболее приспособленных».

Так создавалась история людей на Земле, на горах трупов и забытых предательствах.

А кто это видел?

Кто знает наверняка?

Я нашел только один ответ: бог или боги, при условии, конечно, что он или они существуют.

Я попытался представить себе этих незаметных свидетелей. Богов, исследующих копошащееся человечество на манер энтомологов, наблюдающих за муравьями.

Если боги существуют, какое образование они получили?

Все развивается. Как они перешли от молодости к зрелому возрасту? Как они вмешиваются в ход событий? Почему мы их интересуем?

Я искал ответы в священных текстах, от тибетской «Книги мертвых» до египетской «Книги мертвых», не пропуская шаманизма и великих космогонии народов пяти континентов. Все они дают сведения, лишь очень редко противоречащие друг другу. Как если бы существовало коллективное представление о превосходящих нас масштабах и правилах космической игры.

Философия и наука всегда находились в оппозиции, но для меня они объединены в том, что можно назвать «светской духовностью». Здесь важны скорее вопросы, а не ответы.

В остальном я дал полную свободу воображению.

С моей точки зрения, книга «Мы, боги» является естественным продолжением «Танатонавтов» и «Империи ангелов». После завоевания Рая и обнаружения мира ангелов логично, что более высоким уровнем развития будут именно боги...

Вот почему Мишель Пэнсон, как и его странный друг Рауль Разорбак, Фредди Мейер, Мэрилин Монро, все бывшие танатонавты и бывшие ангелы, объединенные лозунгом «Любовь как шпага, юмор как щит», снова здесь. Я позволил себе унести в этот воображаемый мир, как в сон наяву. По ночам я продолжал вновь переживать некоторые сцены.

Я работал, слушая музыку к фильмам, в частности, к «Властелину колец», «Дюне» и «Чайке Джонатан Ливингстон». К этому добавились девять симфоний Бетховена, произведения Моцарта, Грига, Дебюсси, Баха, Сэмюэла Барбера и симфония «Планеты» Гюстава Хольста — в части классической музыки, из рока — Майкл Олдфилд, Питер Гэбриэл, «Йес», «Пинк фloyd».

Когда я рассказал об этом проекте своему издателю, он с энтузиазмом встретил такое создание мира. В результате — более тысячи страниц, которые составят три тома.

В конце инициативного поиска моего героя — встреча с Создателем Вселенной.

Так что, может быть, вы тоже зададите себе вопрос: «А если бы я был на месте Бога, как бы я поступил?»

Бернард Вербер

«Именно для того, чтобы показать все это, тебя привели сюда».

Иезекииль, 40,4

*«Те, кто не поняли прошлого,
Те, кто не поняли прошлого человечества в целом,
Те, кто не поняли своего прошлого в частности,
Те будут осуждены его воспроизвести».*

Эдмонд Уэллс,

*«Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5
Один подопытный хомячок говорит другому: «Я выдрессировал
ученого. Когда я нажимаю на эту кнопку, он приносит мне зерна».*

Фредди Мейер

1. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В НАЧАЛЕ

... Ничего.

В начале не было ничего.

Никакой свет не нарушал тьму и тишину.

Повсюду было Ничто.

Это было царство первой силы.

Силы «Н»: силы Нейтральности.

Но это Ничто мечтало стать чем-то.

Тогда появилась белая жемчужина в центре бесконечного пространства:
Космическое

Яйцо, заключающее все возможности и все надежды.

Это Яйцо начало покрываться трещинами...

*Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том
5*

2. КТО Я?

Раньше я был смертным. Потом я был ангелом. А теперь кем я стану?

3. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В НАЧАЛЕ (продолжение)

...И Космическое Яйцо взорвалось.

Это произошло в год 0, месяц 0, день 0, минуту 0, секунду 0.

Скорлупа яйца была разбита на двести восемьдесят четыре куска второй силой.

Силой «Д», силой Деления.

Из этого взрыва вырвались свет, жара и огромное количество пыли, которые разлетелись в темноте.

Новая Вселенная родилась.

Разлетаясь, частички танцевали под симфонию времени, которое начало свой ход...

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

4. ПРИБЫТИЕ

Я лечу.

Чистый дух, я пересекаю пространство со скоростью мысли.

Я покинул империю ангелов, но куда я направляюсь?

Я тихо планирую.

Впереди я вижу сияние.

Оно завораживает меня. Я чувствую себя бабочкой, летящей на пламя.

Я вижу одинокую планету в звездной пустоте.

Планету с двумя солнцами и тремя лунами.

Моя душа проникает в ее атмосферу, и меня притягивает к поверхности.

Я падаю.

Неожиданность: я больше не могу лететь. Гравитация зовет меня.

Снизу приближается океан, он несется мне навстречу.

Во время падения я обретаю телесность. Кожа становится матовой. Сперва ноги, туловище, затем руки и лицо. Там, где была полупрозрачная оболочка, теперь розовая матовая кожа.

Ногами я чувствую удар.

Я разбиваю изумрудное зеркало с фонтаном брызг.

Я под водой.

Холодно, вязко, неприятно.

Я не могу дышать. Я задыхаюсь. Что происходит? Мне нужен... воздух!

Я сопротивляюсь. Мне необходимо подняться на поверхность. От соленой воды щиплет глаза. Я сжимаю веки. Я борюсь изо всех сил. Наконец я поднимаюсь на поверхность, делаю огромный глоток воздуха. Облегчение. Мне удалось выплыть.

Я дышу!

Сперва я испытываю чувство паники, а потом становится даже приятно.

Я откашливаюсь от воды, снова наполняю легкие воздухом.

Вдох, выдох. Это напоминает первый глоток воздуха, сделанный во время моего последнего человеческого рождения. Воздух, этот необычный наркотик, без которого невозможно обойтись. Мои альвеолы раздуваются, как два индюка. Я открываю глаза и вижу небо. Я хотел бы взлететь наверх, к облакам, но теперь я пленник силы тяготения.

Я чувствую плоть вокруг своей души, и она на меня давит. Я ощущаю хрупкость своих костей, нежность кожи, и меня пронзает страшная мысль. От нее бросает в дрожь.

Я больше не ангел. Может быть, я снова стал «человеком»?

5. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В НАЧАЛЕ (продолжение)

...Прошло только несколько секунд, а некоторые частички уже соединились, движимые третьей силой. Силой «А», силой Ассоциации.

Частицы Нейтроны, представляющие силу Нейтральности, соединились с Протонами, заряженными позитивно, чтобы образовать ядро. Частицы Электроны, заряженные негативно, начали вращаться вокруг ядра, чтобы придать ему наилучшее равновесие.

Три силы нашли свое место, чтобы образовать более сложное единство, первое воплощение силы Ассоциации: Атом. С этого момента энергия превратилась в материю.

Это был первый эволюционный скачок.

Однако эта материя мечтала перейти на более высокий уровень. Тогда появилась Жизнь.

Жизнь была новым опытом Вселенной, и она вписала в ее сердце следы трех сил (Ассоциация, Деление, Нейтральность), составляющих все живое, указав их инициалы: A.D.N. <ADN (франц.) — ДНК. (Здесь и далее примеч. переводчика)>

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

6. ВО ПЛОТИ

Как трудно вновь стать материальным существом после того, как ты был чистым духом. Это тяжело. Я это забыл.

Внутри тела я ощущаю сгустки нервов, трубки, булькающие мешки. Я чувствую, как бьется сердце, как слюна освежает горло. Я сглатываю. Я закашливаюсь так, что чуть не выплевываю новенькие зубы. Снова кашляю.

Трогаю челюсть. Ощупываю себя. Да, у меня есть тело, такое же, как когда я был смертным на Земле. И я слышу ушами, а не душой.

Не в состоянии лететь, я плыву. Плавание, какой унижительный способ передвижения! Медленный и изнуряющий.

Наконец вдали я вижу остров.

7. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: В НАЧАЛЕ (окончание)

...Но Жизнь не стала завершением опыта этой новорожденной Вселенной. Жизнь сама мечтала перейти на более высокий уровень. Она размножалась, становилась все более разнообразной, экспериментировала с формами, цветами, температурами и поведением. До того момента, как, действуя наугад, не нашла идеальную колыбель для продолжения развития. Человека.

Стоящий на вертикальном остоле, который состоит из двухсот восьми костей, Человек был снабжен слоем жира, кровеносной системой и мускулами, завернутыми в толстую и эластичную кожу. Кроме того, в верхней части Человека имелась чрезвычайно эффективная центральная нервная система, подключенная к визуальным, слуховым, осязательным, вкусовым и обонятельным датчикам.

Благодаря Человеку Жизнь могла обнаружить способность мыслить. Человек рос, размножался, сталкивался с другими животными и с себе подобными.

Он их любил. (А) <Франц. — *aimer*>

Он их угнетал. (Д) <От доминировать (франц.) — *dominer*>

Он ими пренебрегал. (Н) <Франц. — *negliger*.>

Однако Жизнь мечтала достичь более высокого уровня развития. С этого момента мог начаться новый опыт: сознание.

Который, как и всегда, питался тремя первоначальными энергиями:

Любовь. (А)

Доминирование. (Д)

Нейтральность. (Н)

8. ОСТРОВ

Я выбираюсь на песчаный берег. У меня все болит. Все кости. Все мускулы. Все сухожилия. Я падаю, истощенный долгим плаванием. Мне холодно, я кашляю. Я поднимаю голову и осматриваюсь. Я на пляже из белого мелкого песка, вокруг густой туман, через него просматриваются стволы кокосовых пальм. Дальше видны отвесные скалы, о которые разбивается морской прибой. Я чувствую себя слабым и потерянным, меня бьет дрожь. И мучительный вопрос, сопровождавший меня всю жизнь, возвращается: «Действительно, что я здесь делаю?»

Неожиданно до меня доходят запахи моря и фруктов. Я забыл, что их можно чувствовать носом. Тысячи ароматов обволакивают меня. Теплый воздух пахнет йодом, цветами, пылью, травами и морской пеной. А также кокосами, ванилью и бананами. К этому добавляется сладкая нотка, возможно, это лакрица.

Я широко раскрываю глаза. Я нахожусь на острове, на незнакомой планете. Никакой другой земли до горизонта не видно. А есть ли здесь другая форма жизни, кроме растительной?

Муравей отвечает на мой вопрос, карабкаясь на палец ноги. Он один. Я беру его на палец и подношу к глазам. Он шевелит усиками, чтобы понять, что происходит, но я знаю, что он различает только что-то гигантское и розовое.

— Где мы?

Его усики становятся торчком на звук моего голоса. Для муравья я большая теплая гора, дыхание которой приводит в смятение его обонятельные рецепторы.

Я возвращаю муравья на песок, и он убегает зигзагами. Мой учитель Эдмонд Уэллс был специалистом по этим насекомым. Он, наверное, смог бы научить меня общаться с ними. Но я здесь один.

В этот момент воздух разрывает вопль. Человеческий вопль.

9. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Больше всего человека пугает неизвестность. Как только эта неизвестность, пусть даже враждебная, идентифицирована, он чувствует облегчение. Незнание включает процесс воображения. Тогда в каждом появляется его внутренний демон, его «худшее личное». И думая, что сталкивается с тьмой, он встречает фантазмагорических монстров собственного подсознания. Однако именно в тот момент, когда человеческое существо сталкивается с новым неидентифицированным феноменом, его сознание работает наиболее эффективно. Он внимателен. Он начеку. Всеми чувствами он пытается понять неизвестность, чтобы устранить страх. Он обнаруживает в себе таланты, о которых и не подозревал. Неизвестность возбуждает и завораживает его одновременно. Он ее боится и в то же время ожидает, что его мозг сможет найти правильные решения и приспособиться к ней. Пока вещь не названа, она являет собой вызов человечеству.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

10. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Крик раздался с вершины скалы. Я бегу туда, напуганный тем, что могло вызвать этот вопль, и одновременно успокоенный человеческим присутствием. Я стараюсь изо всех сил, лезу наверх, и, задыхаясь, взбираюсь на каменистую вершину.

Там на животе лежит человек. Это мужчина в белой тоге. Я подхожу и переворачиваю его. На боку еще дымится ожог. У него морщинистое лицо и густая белая борода. Этот образ меня заинтриговывает, лицо мне знакомо. Я уже видел его в книгах, справочниках, энциклопедиях. И вдруг я вспоминаю, кто это. Жюль Берн.

Мне приходится сглотнуть несколько раз, чтобы слюна смочила горло и я смог говорить.

— Вы...

У меня першит в горле.

Человек хватается меня за руку, его взгляд безумен.

— ГЛАВНОЕ... не ходить... ТУДА!

— Куда не нужно ходить?

Он с трудом приподнимается и указывает пальцем в направлении проступающих сквозь туман очертаний горы.

— НЕ ХОДИТЬ ТУДА!

Он дрожит. Его пальцы сжимаются у меня на запястье. Он смотрит мне прямо в глаза, а потом на какую-то точку за моим плечом. На лице появляется непреодолимый страх.

Я оборачиваюсь, но не вижу ничего, кроме кокосовых пальм, наполовину скрытых в тумане и слегка колышимых ветерком. Внезапно, как будто огромная опасность придала ему силы, Жюль Берн вскакивает, бежит к краю обрыва и собирается прыгнуть в пустоту. Я бросаюсь к нему и хватаю как раз в тот момент, когда его тело уже наклонилось вниз.

Он отбивается и даже кусает меня, чтобы вырваться. Но я, как мне кажется, держу крепко, для верности вцепляюсь еще и в тогу. Он смотрит на меня какое-то мгновение, удивленный моим упорством, потом грустно улыбается. Белая тога безжалостно рвется. Я хочу ухватиться покрепче, но уже слышу глухой удар тела о мокрый песок. Только кусок ткани остается в моей сжатой ладони.

Жюль Верн лежит, как разбитая кукла.

Я медленно выпрямляюсь и внимательно вглядываюсь в окружающий пейзаж, который его так напугал. Напрасно. Видны лишь стволы пальм, колеблемые ветром и окутанные туманом, да силуэт горы.

Может, слишком богатое воображение сыграло с ним злую шутку?

Я с трудом спускаюсь со скалы, погружаясь во все более тяжелую и душную атмосферу. К моему великому удивлению, когда я добираюсь до пляжа, тела писателя там нет. Остался лишь его отпечаток на песке, а вокруг следы, похожие на лошадиные копыта.

Я не успеваю опомниться от удивления, как появляется новая странность. Мое внимание привлекает шелест крыльев. Птичка вылетела из тумана и зависла перед моим лицом. Вблизи я могу констатировать, что крылатое существо совсем не птица, а миниатюрная девушка с парой больших крыльев бабочки — ярко-голубого монарха, — заканчивающихся длинными черными «хвостами». — ...Ээ...здравствуйте, — говорю я.

Она кокетливо рассматривает меня, тихо покачивает головой, как будто удивляясь. У нее большие зеленые глаза, веснушки и длинные рыжие волосы, завязанные бантиком из травы. Она кружится вокруг и изучает меня, как будто не видела ничего подобного раньше.

Она мне улыбается, и я улыбаюсь в ответ. — Ээ... Ммм... Вы понимаете, когда я говорю?

Девушка-бабочка открывает рот и высовывает язык, тонкий и заостренный, ярко-красного цвета, похожий на длинную ленточку. Она вежливо кивает своей огненной шевелюрой, но когда я хочу прикоснуться пальцами к ее лицу, быстро улетает.

Я бегу за ней, теряю равновесие на острых камнях и падаю со всего размаха. Ладонь глубоко порезана. Острая боль.

Она не похожа на ту, что я испытывал, когда соленая вода попала в глаза, или когда я задышался без воздуха. Из меня течет кровь.

С удивлением я рассматриваю блеск темно-красной крови на розовой коже.

Я забыл, как больно... испытывать боль. Я вспоминаю все моменты, когда мое тело страдало в то время, когда я был человеком. Сломанные ногти, кариес, язвочки на слизистой оболочке, неврит, ревматизм... Как я мог выносить столько несчастий? Несомненно, только благодаря тому, что тогда я не знал, что существует жизнь вообще без страданий. Но теперь, когда я узнал, как хорошо быть чистым духом, боль просто невыносима.

Девушка-бабочка улетела в направлении окутанных туманом деревьев.

В каком же мире я приземлился?

11. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: А ЕСЛИ БЫ МЫ БЫЛИ ОДНИ ВО ВСЕЛЕННОЙ?

Однажды мне пришла в голову странная мысль: «А если бы мы были одни во Вселенной»? Даже непреодолимые скептики в душе надеются, что могут существовать инопланетяне, и если мы потерпим поражение, где-то, возможно, очень далеко, другим разумным существам повезет. И это ободряет... Но если бы мы были одни? Действительно одни? Если бы во всем бесконечном космосе не было ничего живого и наделенного разумом? Если бы все планеты были похожи на те, что можно видеть в солнечной системе... слишком холодные, или слишком горячие, состоящие из газовой магмы или камней? Если земной опыт был лишь цепочкой случайностей и совпадений, которые настолько экстраординарны, что он нигде больше не повторился? Если это было единственное и невозпроизводимое чудо? Это значит, что если мы провалимся на экзамене, если мы разрушим нашу планету (а мы с недавнего времени можем это сделать с помощью ядерного оружия, загрязнения окружающей среды и т. д.), ничего больше не останется. После нас, возможно, «игра закончена», и нельзя начать новую партию. Может быть, мы — это последний шанс. Тогда наша ошибка будет огромна. Мысль о несуществовании инопланетян гораздо более тревожна, чем мысль об их существовании... От этого кружится голова. И в то же время какая ответственность! Видимо, это и есть самое древнее и самое опасное послание: «Возможно, мы одни во Вселенной, и если мы потерпим поражение, ничего нигде больше не будет».

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

12. ВСТРЕЧИ

Нужно найти девушку-бабочку. Я углубляюсь в лес из кокосовых пальм и вереска, который становится все более густым. Внезапно я слышу шорох поблизости и замираю на месте. Сквозь ключья тумана я замечаю существо с человеческим торсом и лошадиным телом.

У существа скрещены руки, упрямое выражение лица, а на затылке черная грива, похожая на растрепанную ветром шаль. Человек-лошадь медленно приближается ко мне и разводит руки как для объятия. Я быстро отступаю назад. Из ноздрей у него идет пар, он встает на дыбы и ржет, стуча кулаками в грудь. От него исходит ощущение мощи одновременно человеческой и животной. Когда он начинает бить копытом, как бык, готовящийся к нападению, я бросаюсь наутек. Но тяжелый галоп приближается. Он меня ловит, две волосатых руки обхватывают мое тело. Человек-лошадь поднимает меня, прижимает к груди и несет. Ни мои крики, ни отчаянные удары ногами на него не действуют. Он переходит на галоп. Я подвешен над землей, и папоротники хлещут меня по лодыжкам.

Мы пересекаем пальмовый лес и попадаем на большую поляну, с которой вверх идет тропинка. Не отпуская меня, он начинает подниматься. Мы все еще бежим галопом. По сторонам сменяют друг друга леса, долины, небольшие озера с корявыми деревьями по берегам.

В конце тропинки мы попадаем на обширное плато. В центре находится большой белый город, окруженный квадратом многометровых мраморных стен. С двух сторон к нему примыкают холмы, затрудняющие видимость. Напротив из тумана проступает очертание горы.

На белой стене выделяются городские ворота в виде золоченой стрельчатой арки с колоннами по бокам. Одна из них черная, другая белая. Здесь наше путешествие заканчивается.

Человек-лошадь опускает меня на землю и, продолжая держать за руку, несколько раз бьет внушительным молотком по створке ворот. Через некоторое время дверь медленно открывается. На пороге появляется пузатый бородач в белой тоге. В нем больше двух метров роста, на голове венки из виноградных листьев. На этот раз ни крыльев бабочки, ни лошадиных копыт. Если не считать его гигантского роста, мужчина кажется вполне нормальным.

Он смотрит на меня с подозрением.

— Вы «тот, кого ждут»? — спрашивает он.

Я чувствую облегчение, видя наконец перед собой кого-то, кто говорит и с кем я могу общаться. Гигант добавляет шутливым тоном:

— Во всяком случае, я уже могу констатировать, что вы... (он смотрит вниз) голый.

Я торопливо прикрываю руками причинное место. Человек-лошадь разражается хохотом, так же как и вдруг появившаяся девушка-бабочка. Если эти двое и не говорят, то по крайней мере понимают все, что говорится.

— Здесь хоть и не требуется вечерний костюм, но это и не нудистский клуб.

Он вынимает из мешка белую тунику и тогу и показывает, как их надевать. Тогу два раза обернуть вокруг тела, а полу перекинуть через плечо.

— Где я?

— В месте Последней Инициации. У нас принято называть его Эдем.

— А этот город?

— Это столица. У нас принято называть ее Олимпия. А как вас зовут? В том смысле, как вас звали, когда у вас было имя?

И правда, до того, как стать ангелом, я был смертным.

Пэнсон. Мишель Пэнсон. Француз. Пол мужской. Женат. Отец семейства. Скончался от того, что «Боинг-74 7» врезался в его дом.

— Мишель Пэнсон.

Гигант делает пометку в списке.

— Мишель Пэнсон? Очень хорошо. Вилла 142 857.

— Прежде чем отправиться дальше, я хочу знать, почему я здесь.

— Вы ученик. Вы прибыли, чтобы овладеть самой трудной профессией.

Видя мое непонимание, он уточняет:

— Ведь быть ангелом было не просто, не так ли? Так вот, знайте, что будет еще труднее.

Работа, требующая таланта, умения, креативности, ума, тонкости, интуиции... (Гигант не столько произносит слово, сколько его выдыхает.) БО-Г. Вы в Мире богов.

Я, естественно, предполагал, что могут быть существа выше ангелов, но даже не осмелился мечтать однажды стать... Богом... — ...Конечно, этому можно научиться. На настоящий момент вы лишь бог-ученик, — говорит мой собеседник.

Значит, я не стал снова человеком, как предполагал вначале, обнаружив свою оболочку из плоти. Эдмонд Уэллс объяснил мне как-то, что Elohim — имя, данное на иврите Богу, — на самом деле во множественном числе. Парадокс первой монотеистической религии — она называет своего единственного Бога во множественном числе.

— А вы, простите...?

— Здесь меня принято называть Дионис. Некоторые по ошибке описывают меня как бога праздников и возлияний, винограда и оргий. Ошибка и неправда. Я бог свободы. Однако в народном сознании свобода подозрительна и легко ассоциируется с разгулом.

Я очень древний бог, и я выступаю за свободу выражать то, что в нас есть лучшее. И тем хуже, если меня считают распущенным.

Он вздохнул, схватил виноградину и проглотил ее.

— Сегодня моя очередь встречать новеньких, поскольку я профессор в Школе богов, другими словами, бог-учитель.

Гигантский бог-учитель с венком из виноградной лозы, девушка-бабочка, висящая в воздухе, бьющий копытом человек-лошадь... Куда же я попал?

— Я стал свидетелем преступления, там, на скале. Дионис смотрит на меня вежливо, не выказывая особого интереса к этому сообщению.

— Вы знаете жертву? — спрашивает он.

— Мне кажется, это Жюль Верн.

— Жюль Верн? — повторяет он, снова беря список. — Жюль Верн... Ах да, писатель-фантаст XIX века. Этот прибыл рановато, и даже чересчур рановато... И слишком любопытный к тому же. Знайте, что у любопытных часто бывают проблемы.

— Проблемы?

— И вы тоже не будьте слишком любопытным. Нам трудно наблюдать за всеми, учитывая большое количество учеников на этом курсе, но сейчас ограничьтесь тем, что отправляйтесь домой, на вашу виллу. Там вы будете у себя.

Я уже так долго не был «у себя».

— В Эдеме ночи прохладные и зори тоже. Советую вам идти и устраиваться. Вилла 142 857. Херувимка с удовольствием покажет вам дорогу. Это не далеко, но если вы устали, можете доехать верхом на кентавре.

«Херувимка» — девушка-бабочка; «кентавр» — человек-лошадь, все эти помеси человека с животным являются химерами. Это напоминает мне фильм «Остров доктора Моро», в котором сумасшедший ученый скрестил людей и зверей.

— Я предпочитаю пойти один. Где это?

— Идите по главному проспекту, перейдите центральную площадь, потом третий поворот

налево, улица Олив. Вы легко найдете номер 142 857. Отдохните, но будьте готовы. Когда часы пробьют три раза, вам нужно сразу вернуться на центральную площадь.

Я надеваю сандалии, которые мне протягивает Дионис. И в этой обуви и белоснежной тоге вхожу в величественные ворота Олимпии.

13. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НЕБЕСНЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Отрывки из Откровения Иоанна Богослова: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим... Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов; на воротах написаны имена двенадцати колен сынов Израилевых»...

«Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и ширина».

«И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи».

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

14. ГОРОД СЧАСТЛИВЕЙШИХ

Город богов сияет перед моим восхищенным взором.

Как светлый луч, широкая дорога, обрамленная кипарисами, пересекает город.

Я вступаю на центральный проспект Олимпии.

С обеих сторон холмы и долины перемежаются колоссальными зданиями, очевидно сооруженными титанами. Сеть речек, через которые перекинута деревянные мосты, озера, покрытые бледно-розовыми кувшинками. На крутых склонах, которые я различаю на юге, большие переливающиеся бассейны обрамлены бамбуком, тростником и пальмами. Как будто пьяный архитектор нарисовал город, привидевшийся ему в белой горячке: за высокими стенами одна неровность сменяет другую.

Пестрая толпа заполняет проспекты, улицы и улочки. Молодые люди и девушки одеты, как и я, в белые тоги. Очевидно, тоже ученики-боги. Они не обращают на меня никакого внимания.

Молодая женщина в желтой тоге прогуливает собаку с тремя головами таксы, этакий мини-цербер. Здесь также есть кентавры, сатиры, херувимы.

Я различаю «самцов» и «самок». Бабочки с лицами молодых людей, и кентавры, скрывающие выпуклые груди под длинными волосами-гривами.

Я иду дальше и обнаруживаю новые чудеса. Рынки, где люди и чудовища объясняются знаками, маленькие дома из белого камня, крытые красной черепицей, с коринфскими колоннадами, украшенные скульптурами балюстрады, фонтаны с каменными тритонами, выпускающими изо рта потоки отливающей медью воды.

Теплый воздух благоухает цветочной пылью и свежескошенным газоном. Я замечаю посадки зерновых культур и огороды. Несколько нехимических травоядных — козы, овцы, коровы, похожие на земных, — мирно пасутся, безразличные к этому грандиозному пейзажу.

За соснами видны другие виллы. Все они одноэтажные.

В конце проспекта находится большая круглая площадь с бассейном в середине, в центре которого, на маленьком острове, растет многовековое дерево.

Подойдя поближе, я вижу, что это величественное дерево — яблоня. Его плоды также золотого цвета. Очевидно, это яблоня эдемского сада, дерево познания добра и зла, из-за которого Адама и Еву изгнали из Рая. Его кора испещрена тысячелетними морщинами, его корни, обвившие этот особенный остров, переплетаются, огибая камни. Его ветви широко раскинулись в небе и покрывают не только бассейн, на котором находится остров, но и стенку, окружающую бассейн. Его тень накрывает практически всю центральную площадь.

Я снова вспоминаю отрывок из Апокалипсиса от Иоанна: «В центре городской площади было Дерево жизни... и листья Дерева предназначены для исцеления народов».

От центральной площади ведут четыре широких перпендикулярных проспекта. На указателях написано:

На восток — ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ.

На север — АМФИТЕАТР И МЕГАРОН.

На запад — ПЛЯЖ.

Нет никакого указателя, говорящего, что находится на севере. На затылке я чувствую легкое дуновение. Оборачиваюсь и вижу игривую херувимку с рыжими волосами, бесшумно летающую позади меня.

— Что ты хочешь? Как тебя зовут?

Химера чихает, и я протягиваю ей край моей тоги, чтобы она высморкалась.

— Ну ладно. Раз ты мне ничего не хочешь сказать, для меня ты будешь... сморкмуха. Тот,

кто вкальвует, становится дровосеком, тот, кто вьет, становится вьюном, а тот, кто сморкается, становится...

Сморкмуха мечется из стороны в сторону, недовольная, что я смеюсь над ней. Она показывает мне тонкий язычок бабочки, гримасничает и вертит глазами. Я ее передразниваю, тоже показываю ей язык, а затем отправляюсь дальше, не обращая на нее внимания.

Я замечаю, что если все проспекты прямые, то все улицы дугообразные и закругляются вокруг центральной площади. Перед домами разбиты сады с неизвестными мне деревьями, цветы которых похожи на орхидеи, а запах напоминает сандал и гвоздику.

На улице Олив под номером 142 857 оказалась белая вилла с красной черепичной крышей, окруженная кипарисами. Ни стены, ни забора, все открыто. Посыпанная гравием дорожка ведет к двери без замка. Херувимке, следующей за мной, я сообщаю, что здесь я «у себя» и хочу побыть один. Несмотря на ее раздосадованную мину, я захлопываю дверь у нее перед носом.

Я замечаю, что деревянная задвижка позволяет изнутри закрыть дверь, и вздыхаю с облегчением. Я моментально чувствую, какое это счастье находиться там, где никто не может тебя побеспокоить. Уже долго со мной такого не было. «У себя». Я осматриваю помещение. В большой комнате в центре находится красный диван и стол из черного дерева, на белой стене висит экран плоского телевизора.

Сбоку находится библиотека, книги которой предлагают мне девственно-белые страницы.

Телевизор без пульта управления.

Книги без текстов.

Преступление без расследования.

Справа от книжных шкафов кресло и бюро со множеством ящиков. На нем чернильница и гусиное перо. Предполагается, что я должен сам заполнить эти книги?

В конце концов, я уверен, что мои приключения заслуживают того, чтобы о них рассказать. Как и все, я хочу оставить свой след. Но с чего начать? «Почему бы не с буквы А, — подсказывает внутренний голос. — Это было бы логично». Значит, А. Я усаживаюсь за бюро и пишу.

«А... А имею ли я право рассказать про все? Даже теперь, по прошествии времени, мне с трудом верится, что я, Мишель Пэнсон, участвовал в такой потрясающей эпопее и...»

Перо повисает в воздухе. Я был не только Мишелем Пэнсоном. В Раю я обнаружил, что как человек прожил сотни жизней, растянувшиеся на три миллиона лет. Я был охотником, крестьянином, домохозяйкой, ремесленником, торговцем. Я был мужчиной и был женщиной. Я знал богатство и нищету, здоровье и болезни, власть и рабство. Большинство моих жизней были ничем не примечательны. Но все-таки мне досталось с десятков интересных карм. Одалиска в египетском серале, влюбленная в астрологию, друид, лечивший людей лесными растениями, солдат, игравший на волынке в шотландской армии, самурай в японской империи, отлично владевший мечом, танцовщица канкана с бесчисленными любовниками в Париже в XIX веке, врач — пионер антисептики в области хирургии в дореволюционном Санкт-Петербурге...

В большинстве своем эти выдающиеся жизни закончились плохо. Став свидетелем массового убийства, друид-целитель из отвращения к соплеменникам покончил с собой. Танцовщица свела счеты с жизнью из-за несчастной любви. Русский врач умер от туберкулеза. Впадая в различные заблуждения, я тем не менее в конце концов стал лучше.

В моей последней жизни я был Мишелем Пэнсоном, именно его внешность у меня сейчас. В этом последнем существовании я подружился с Раулем Ра-зорбаком, который вовлек меня в странное приключение. Мы оба стали учеными и объединили наши знания, я — в области медицины, он — в биологии, чтобы попытаться соединить науку и духовность для путешествий вне тела в поисках континента мертвых.

Мы назвали это «танатонавтикой», от греческих *thanatos* — смерть и *nautis* — исследователи.

Мы, танатонавты, построили танатодромы, наши взлетные площадки. Мы терпеливо отработывали технику выхода души из тела и ее полета вне Земли. Мы боролись за то, чтобы первыми достичь Рая, опередив представителей общепризнанных религий. Мы преодолели семь дверей континента мертвых, с упорством открывая новые, еще не известные территории. Быть танатонавтом значило быть пионером, но это было очень опасное занятие. Я постепенно предал гласности тысячелетние секреты, которые были известны раньше лишь посвященным. Я раскрыл гораздо больше, чем человечество было готово принять.

Самолет врезался в мой дом и положил конец моей жизни и жизням всех моих близких. Таким образом меня «призвали» на небеса.

Там мою душу взвесили и судили за то, что я сделал хорошего и плохого как Пэнсон в этой последней человеческой оболочке. К счастью, на процессе у меня был удивительный адвокат, писатель Эмиль Золя собственной персоной, мой ангел-хранитель. Благодаря ему я избежал необходимости возродиться смертным и считал себя навсегда избавленным от этого.

Я стал чистым духом. Ангелом. В качестве ангела мне на попечение дали троих людей, которым я, в свою очередь, должен был помочь выйти из цикла реинкарнаций. Я помню этих трех «клиентов». Игорь Чехов, русский солдат; Венера Шеридан, американская фотомодель и актриса; Жак Немро, французский писатель.

Но смертным помочь нелегко. Эдмонд Уэллс, обучавший меня профессии ангела, любил повторять: «Они стараются лишь уменьшить свои страдания, вместо того, чтобы создавать свое счастье». Он научил меня, как влиять на людей с помощью пяти рычагов: сны, интуиция, знаки, медиумы и кошки. Так мне удалось спасти одного из клиентов, Жака Немро, и предложить ему выйти из цикла реинкарнаций. Что касается меня, то мне разрешили покинуть империю ангелов и перейти на следующий этаж.

И вот, сейчас я в...Эдеме. Я был смертным, был ангелом. Кем я стану теперь?

«Богом-учеником», — сказал Дионис.

Я положил перо в чернильницу и встал, чтобы продолжить осмотр виллы. Справа от гостиной находится спальня с большой кроватью под балдахином. В гардеробе меня ждут двадцать одинаковых белых туник и тог. В продолжении спальни ванная комната, отделанная мрамором, с умывальником и ванной с золочеными кранами и унитазом. Флакон с белым порошком благоухает лавандой. Под струей воды, которую я включаю, он пенится. Я раздеваюсь и погружаюсь в блаженство.

Я закрываю глаза. Слушаю свое сердце, делающее...

15. ПОСЕТИТЕЛЬ

...Тук, тук.

Я подсказываю. Опять сморкмуха? Поскольку стук повторяется, я встаю, чтобы прогнать ее. Одной рукой оборачиваю бедра полотенцем, другой хватаю щетку-чесалку для спины и, вооруженный таким образом, открываю дверь.

Но за дверью я обнаруживаю не химеру. Передо мной, улыбаясь, стоит Эдмонд Уэллс, мой наставник по ангелизму.

— Ты сказал «до свидания». Я бормочу:

— Вы ведь ответили «прощай».

— Именно так. Адье, значит «у богов». Сдается мне, вот мы и у них.

Мы сжимаем друг друга в объятиях.

Я отодвигаюсь, чтобы впустить его внутрь. В гостиной Эдмонд Уэллс усаживается на красный диван и, как обычно без предисловий, спешит сообщить:

— Этот курс необычно большой. В прошлом «им» не хватало учеников, так что на этот раз «они» получат достаточно. Мне «они» тоже разрешили участвовать.

Загадочное выражение, заостренные уши и треугольный овал лица: Уэллс совершенно не изменился. Он по-прежнему производит на меня неизгладимое впечатление. В последней человеческой оболочке он был энтомологом, изучавшим муравьев. Но его любимым занятием было собирать знания и создавать мосты между существами, априори неспособными общаться друг с другом. Муравьи и люди, ангелы и смертные.

— Моя вилла недалеко от твоей, улица Олив, номер 142 851, — говорит он, как будто мы соседи на курорте, пока я натягиваю тунику, тогу и надеваю сандалии.

Он обращается ко мне на «ты», а я, неспособный на фамильярность по отношению к учителю, на «вы». Я шепчу:

— Здесь происходят странные вещи. На пляже, сразу по прибытии, я встретил Жюля Верна. Он умер практически у меня на руках. На боку был дымящийся ожог. Убийство. А Дионис мне сказал, что у него были проблемы, поскольку он слишком рано приехал и оказался слишком любопытным.

— Жюль Верн всегда был первым, — соглашается Эдмонд Уэллс, не удивленный этим загадочным преступлением, так же как Дионис.

— Он лишь успел посоветовать мне ни в коем случае не ходить на Олимп. Как будто увидел там что-то ужасное.

Лицо Эдмонда Уэллса принимает сомневающееся выражение, в то время как наши взгляды устремляются к окну, через которое видна гора, по-прежнему окутанная облаками. Я настаиваю:

— Все здесь очень странно.

— Скажи лучше «удивительно».

— А эти книги? Все страницы пустые. Наставник улыбается:

— Значит, их предстоит заполнить нам. Я смогу продолжить свое творение — «Энциклопедию относительного и абсолютного знания». И там уже будет информация не о людях или животных, и даже не об ангелах, а о богах.

Из сумки, которую он носит на ремне через плечо, Уэллс достает книгу, похожую на те, что стоят у меня на полках, только она уже несколько потрепана.

Он ласково гладит корешок.

— Теперь все, что мы переживем, не будет потеряно. По памяти я записал фрагменты текстов, которые считал наиболее важными, и дополню их всем тем, что мы здесь обнаружим.

— Но почему вы...

— Ты можешь обращаться ко мне на ты. Теперь я больше не твой учитель. Я такой же богученик, как и ты. Равный тебе.

— Но почему ты... Нет, извиняюсь, я предпочитаю обращаться на «вы»... Почему вы продолжаете этот поиск знаний?

Он удивлен, что мне не удастся изменить наши отношения, однако не настаивает.

— Возможно потому, что в детстве меня преследовала навязчивая мысль, будто я ничего не знаю. Настоящий психоз. Однажды преподаватель сказал мне, когда я не смог выучить стихотворение наизусть: «Ты пустой». С тех пор я хочу наполнить себя. Не стихами, а информацией. В 13 лет я начал составлять толстые тетради, заполненные изображениями, научной информацией и собственными размышлениями. (При этом упоминании он улыбается.) Я вырезал из газет фотографии обнаженных актрис и приклеивал их вперемежку с математическими формулами. Чтобы придать себе желания вновь открыть тетрадь. Я никогда не переставал заполнять ее. Как ты знаешь, даже когда я был в империи ангелов, я хотел продолжать этот проект энциклопедии, воодушевив одного смертного. Это чуть было не привело меня к катастрофе. Здесь я смогу продолжить свои поиски относительного и абсолютного знания.

— Пятый том энциклопедии?

— Пятый официальный том, но я написал еще несколько «полуофициальных», которые спрятаны в различных местах.

— Энциклопедии относительного и абсолютного знания спрятаны на Земле?

— Конечно. Мои маленькие сокровища, которые предстоит найти позднее тем, у кого хватит терпения их искать. Но пока что я начал этот том.

Я смотрю на книгу. На обложке Эдмонд Уэллс вывел красивым каллиграфическим почерком: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО И АБСОЛЮТНОГО ЗНАНИЯ, ТОМ V.

Он протягивает мне свое произведение. — ...Я написал его потому, что благодаря различным случайным встречам получил от многих людей массу знаний. Но когда я хотел вновь передать их людям, чтобы знания продолжали жить, я обнаружил, что мало кого интересует такой подарок. Дарить можно только тем, кто готов принять. Тогда я решил дать его всем в виде рукописи, как будто бросил бутылку с посланием в море. Пусть его получают те, кто способны оценить, даже если я их никогда не встречу.

Я открываю книгу. Она начинается с главы, озаглавленной «Вначале». Потом идет «Неизвестность», «А если бы мы были одни во Вселенной», «Небесный Иерусалим»... Последняя называется «Символика цифр».

— Опять? Вы ведь уже писали про это в четырех предыдущих томах.

Энциклопедиста это не смущает.

— Это ключ ко всему. Символика цифр. Я должен повторять и дополнять ее, поскольку она является самым простым путем к пониманию смысла эволюции вселенной. Вспомни, Мишель...

Сознание развивается в соответствии с символикой цифр, которые были изобретены три тысячи лет назад индийцами.

Изогнутая линия означает любовь.

Крест означает испытание.

Горизонтальная линия указывает на привязанность.

Рассмотрим изображения цифр.

«1». Минерал. Простая вертикальная черта. Ни привязанности, ни любви, ни испытания. У минерала нет сознания. Он просто здесь, первая стадия материи.

«2». Растение. Над горизонтальной линией находится кривая. Растение привязано к земле горизонтальной чертой, символизирующей корни, которые не дают ему двигаться. Оно любит небо и выставляет в него листья и цветы, чтобы получить свет.

«3». Животное. Две изогнутых линии. Животное любит землю и любит небо, но не привязано ни к тому, ни к другому. У него есть лишь эмоции. Страх, желание... Две кривых — это дварта. Тот, который кусает, и тот, который хватает.

«4». Человек. Крест. Он на перепутье между «3» и «5». «4» — это момент испытания. Либо он будет развиваться и станет мудрецом, «5», либо вернется на свой животный уровень «3».

«5». Человек сознательный. Это перевернутое «2». Он привязан к небу горизонтальной линией сверху и любит землю нижней кривой линией* Это мудрец. Он превзошел свою животную природу. Он отстранился от событий, и его реакции больше не инстинктивны или эмоциональны. Он победил свой страх и свои желания. Он любит свою планету и своих соплеменников, продолжая наблюдать за ними с расстояния.

«6». Ангел. Просветленная душа освобождена от необходимости возрождаться во плоти. Она вышла из цикла реинкарнаций и стала чистым духом, который больше не чувствует боли и лишен материальных потребностей. Ангел — это кривая любви, чистая спираль, исходящая из сердца, спускающаяся к земле, чтобы помочь людям, и завершающаяся наверху, чтобы достичь еще высшего уровня.

«7». Бог. Или, по крайней мере, «бог-ученик». Ангел по мере своего развития достигает более высокого уровня. Как и «5», он имеет прямую линию, притягивающую его наверх. Но вместо кривой линии любви к земле, у него прямая линия. Он воздействует на нижний мир. «7» — это еще и крест, как перевернутое «4». Таким образом, это испытание, это перекресток. Он должен преуспеть в чем-то, чтобы продолжать развиваться.

17. ПЕРВЫЙ ПРАЗДНИК В АМФИТЕАТРЕ

А что же находится выше, «8»?

Бьют часы. Три длинных удара. Мы спешим на центральную площадь с древней яблоней. Перед нами идут другие боги-ученики в таких же белых тогах. Здесь есть люди самых разных возрастов, появившиеся в том обличье, какое они имели во время последнего пребывания на Земле. Мы разглядываем друг друга, удивленные, что нас так много, стараемся угадать, что в нас может быть такого выдающегося, что мы удостоились чести оказаться здесь.

Жестами молодая девушка в шафранно-желтой тоге приглашает нас занять место в очереди.

— Это ора* (* L'heure (франц.) — час.), — шепчет Эдмонд Уэллс.

— Не знаю, у меня нет часов. Учитель улыбается.

— Ты не понял. Это не час, а ора, греческая полубогиня. Так они называются.

— Их двадцать четыре?

— Нет, — шепчет он мне на ухо. — Только три. Это Эвномия, покровительница законного порядка, Дике, покровительница справедливости, и Ирена — мира. Все они дочери Зевса, верховного бога, и Фемиды, богини правосудия, и считаются полубогинями.

По тому, как ора расставляет нас в линию, я думаю, что речь идет о первой полубогине. В греческом языке приставка «ей» означает «хороший», как эвфония значит благозвучие, а эйфория — блаженство. А в случае с нашей орой, это хорошее имя.

Ученики по очереди подходят к ней, Эвномия отмечает их в списке и указывает, куда идти. Когда я называю свое имя, ора пристально смотрит мне в лицо. Может быть, она тоже спрашивает себя, не «тот ли это, кого ждут»?

Но она ограничивается тем, что указывает мне на северный проспект, ведущий к амфитеатру.

Перед входом новая очередь. Другая ора, наверняка Дике, тоже сравнивает имена по списку. Проходя мимо, я заглядываю ей через плечо и замечаю, что имя Жюля Верна вычеркнуто и заменено на... Эдмон-да Уэллса. Неужели мой учитель вот так вдруг заменил убитого писателя?

Я говорю «Пэнсон» и получаю в обмен коробку. Сгорая от любопытства, спешу ее открыть. Там находится крест величиной с ладонь, в верхней части которого имеется полукруглая дужка из прозрачного стекла и цепочка, чтобы вешать его на шею. Ниже три колесика с выгравированным на каждом буквой.

— Этот крест с дужкой у древних египтян обозначал понятие «жизнь» и соответствовал иероглифу «anḫ», — говорит Эдмонд Уэллс. — Еще его называют скипетром богов.

Скипетр богов... Я переворачиваю крест и вижу на обратной стороне номер: 142 857, как и номер моей виллы.

Не удаляясь от моего наставника и друга, я вхожу в амфитеатр. Скамьи по кругу, центральная сцена. Он похож на любой античный амфитеатр. Вокруг ученики собрались небольшими группами и беспокойно обсуждают что-то.

— Как будто в детском сне, — говорю я. Учитель предлагает другую версию. — ...Или в книге. Как будто кто-то написал произведение с такими декорациями. И чатателю достаточно склониться над ней, чтобы книга ожила. И мы там внутри.

Я, мало убежденный, пожимаю плечами, но он невозмутимо продолжает:

— Какой-нибудь писатель перечитал всю греческую мифологию, чтобы оживить ее, и чтобы мы могли это лучше ощутить. По-моему, «все начинается с романа и все им заканчивается».

Я начинаю понимать его мысль.

— В таком случае, этот писатель наблюдает за нами, как за персонажами. Но закончил ли он свою историю? Может быть, он начал с конца, а может, узнает все одновременно с нами, его творениями?

Он смотрит на меня полушутливо, полусерьезно.

Девушка в желтой тоге, с венком из цветов и фруктов, предлагает нам отойти в сторону, чтобы дать проход другим прибывающим.

— Третья ора?

— Вряд ли. Она больше похожа на другую полубогиню — Флору.

Она так близко, что я чувствую ее запах. Смесь ландышей и лилий. Если это покровительница цветов, то скорее всего весенних. Я люблю ее огромными золотистыми глазами, льняными волосами и хрупкими руками. Я даже делаю движение, чтобы прикоснуться к ней, но Эдмонд Уэллс меня удерживает.

Я рассматриваю своих соучеников, рассеявшихся по скамьям амфитеатра. Знаменитостей немало, среди них я узнаю сидящих вперемежку: художника Анри де Тулуз-Лотрека, романиста Гюстава Флобера, Этьена де Монгольфьера, одного из братьев-изобретателей воздушного шара, керамиста Бернара Па-лисси, художника-импрессиониста Клода Моне, авиатора Клемана Адера, скульптора Огюста Родена. Есть и женщины: актриса Сара Бернар, скульптор Камилла Клодель, ученая-физик Мария Кюри, актриса Симона Синьоре, танцовщица и шпионка Мата Хари.

Эдмонд Уэллс очень по-светски подходит к последней.

— Добрый день, меня зовут Эдмонд Уэллс, а это мой друг Мишель Пэнсон. А вы не Мата Хари?

Молодая темноволосая женщина утвердительно кивает. Мы обмениваемся взглядами, не зная, как продолжить разговор.

Тихо опускается вечер, и мы рассаживаемся по скамьям. В небе появляются не одна, а три луны, образующие треугольник. Вершина горы Олимп по-прежнему скрыта в облаках.

Громким голосом я задаю мучающий меня вопрос:

— Что же там, наверху? Винсент Ван Гог отвечает первым:

— Серое с золотисто-коричневыми отблесками, немного оранжевого и голубого.

Мата Хари выдыхает:

— Тайна.

Жорж Мельес произносит задумчиво:

— Волшебство.

Гюстав Эйфель говорит вполголоса:

— Архитектор Вселенной. Симона Синьоре добавляет:

— Режиссер фильма.

Мария Кюри выговаривает мечтательно:

— Последний Принцип. Сара Бернар колеблется: — ...Мы на Олимпе. Может, там... Зевс? Резкий голос позади нас обрывает споры.

— Ничего там нет.

Мы оборачиваемся. И видим невысокого типа с белокурыми волосами, в круглых очках, с каштановой бородой.

— Там наверху ничего нет. Ни Зевса, ни Архитектора, ни волшебства... Ничего. Там кругом только снег и туман. Как на любой горе.

Когда он с уверенностью произносит эти слова, на вершине вдруг загорается свет и начинает мигать, как фары в тумане.

— Вы видели? — спрашивает Мельес.

— Видел, — продолжает бородатый. — Я видел свет. Просто свет. «Они» включили прожектор на верхушке, чтобы у вас воображение заработало. А вы и любуетесь, как комары на лампу. Все это декорация и сценические трюки.

— Да кто вы, в конце концов, такой, чтобы быть настолько категоричным? — спрашивает Сара Бернар раздраженно.

Мужчина сгибается в поклоне:

— Пьер Жозеф Прудон, к вашим услугам.

— Прудон? Теоретик анархизма? — осведомляется Эдмонд Уэллс.

— Собственной персоной.

Я слышал об этом бунтаре, но не знал, как он выглядит. Чем-то похож на Карла Маркса. Наверняка в ту эпоху в моде была борода и длинные волосы. Высокий гладкий лоб и зачесанные назад волосы делают его шевелюру похожей на прическу с бантом. Он добавляет:

— Прудон: атеист, анархист, нигилист, чем и горжусь.

— Но вы ведь были реинкарнированы... — говорит Сара Бернар.

— Да. Однако я не верил в реинкарнацию.

— И вы стали ангелом...

— Стал. Однако я не верил в ангелов.

— А теперь вы бог-ученик...

— Да. И я стану «богом атеистов», — заявляет Прудон, довольный собственной формулировкой. — Ну а вы, скажите честно, вы верите в эту школу богов? Думаете, мы что, экзамены по демиургии будем сдавать?

К дискуссии присоединяется новый ученик. Он явно страдает сильным косоглазием, которое пытается преодолеть.

— Там, наверху, — восклицает он вдохновенно, — наверняка есть что-то очень сильное и красивое. Мы всего лишь боги-ученики, маленькие боги. А там Великий Бог.

— И как вы себе его представляете? — спрашиваю я.

— Я представляю себе что-то, что нас превосходит по мощи, по величию, по сознанию, по всему, — говорит он, как в экстазе.

Нового ученика зовут Люсьен Дюпре. Он рассказывает, что был офтальмологом и страдал косоглазием, и что он пытался помочь другим видеть лучше.

Прежде чем понял, что единственный способ видеть — это видеть душой.

— Охота вам нести всякую чепуху, — заявляет Прудон. — Я вот не боюсь утверждать, что нет ни Бога, ни начальника.

Среди учеников слышится шепот неодобрения. Анархист продолжает:

— Я как святой Томас. Верю только в то, что вижу. А вижу я людей, собранных на каком-то острове, которые, в то время как столько религий запрещали произносить это слово, продолжают упиваться именем Бога. Бог тут, Бог там. Вы считаете себя верующими, а на самом деле вы лишь сборище богохульников. Впрочем, что такое Бог? У нас что, специальные полномочия? Я констатирую лишь, что потерял свои атрибуты ангела. Раньше я летал и пересекал материю. Теперь я голоден, я хочу пить, на меня нацепили тогу, от которой все тело чешется.

Он прав. Грубая ткань мне тоже неприятна, и при одном слове «голод» желудок сжимается и зовет на помощь. Прудон продолжает:

— Я заявляю, что все эти декорации из картона, эта гора в дыму, все это липа.

В этот момент раздается короткий глухой звук.

Появляется кентавр с огромным барабаном на ремне, в который он бьет двумя палочками.

Затем появляется второй, третий, затем целая процессия из двадцати бьющих в унисон в

барабаны кентавров.

Они приближаются шеренгой, идут вдоль амфитеатра, затем располагаются вокруг нас, и никто больше не движется. Барабаны звучат все громче и громче. Наши грудные клетки вибрируют. Их уже не меньше ста, и барабанный бой не прекращается. Ритм отдается во всем моем теле, в висках, груди, в руках и ногах. Я ощущаю каждую косточку в отдельности и весь скелет целиком.

Кентавры, похоже, начали что-то вроде вибрирующего диалога. Одни начинают импровизированные соло, другие подхватывают его в том же мотиве.

Неожиданно конское ржание приводит построение в замешательство.

Появляется женщина на коне, сидящая, как амазонка. На ней каска и серебряная тога, в руках копье, а сидящая на плече сова внимательно разглядывает присутствующих. Кентавры замирают с поднятыми вверх барабанными палочками.

В повисшей тишине женщина занимает место в середине арены. Она ростом тоже не меньше двух метров. Как и Дионис. Наверняка, как и все боги-учителя.

Она говорит, тщательно отделяя слова:

— Вы действительно очень, очень многочисленный курс. И к тому же, еще не все ученики прибыли. Вас около сотни, остальные присоединятся вечером. Никогда раньше здесь не было столько учеников. В итоге вас будет сто сорок четыре.

— Двенадцать раз по двенадцать, — шепчет Эдмонд Уэллс мне на ухо. — Как сто сорок четыре ребенка Адама и Евы, сто сорок четыре первых человека...

Женщина бьет копьем о землю, как бы пытаюсь навести порядок в шумящем классе.

— Для каждого курса мы набираем ангелов, бывших смертными в одной культуре и одной стране. Таким образом, нет национализма, приводящего к закулисным объединениям. В этом году мы решили собрать бывших французов.

Богиня обводит глазами амфитеатр. Все замерли на местах. Даже Прудон молчит.

Она бесшумно спрыгивает на землю.

— Здесь, — продолжает она, — вы будете «богами народов», как некоторые бывают «пастухами стадов». Здесь вы научитесь быть хорошими пастухами.

Пока она прогуливается по арене, сова взлетает в воздух и улетает.

— Обучение будет проводиться в две сессии, во время которых вашим образованием займутся двенадцать богов-учителей. Вот их список:

1. Гефест. Бог кузнечного дела.

2. Посейдон. Бог морей.

3. Арес. Бог войны.

4. Гермес. Бог путешествий.

5. Деметра. Богиня плодородия.

6. Афродита. Богиня любви. Во второй сессии выступят:

7. Гера. Богиня семьи.

8. Гестия. Богиня очага.

9. Аполлон. Бог искусств. 10. Артемида. Богиня охоты. 11. Дионис. Бог праздников, с которым вы уже знакомы.

В заключение я сама встану за кафедру: 12. Афина. Богиня мудрости.

Не знаю почему, но из всех этих имен только одно остается во мне: Афродита, богиня любви... Да, она хорошо произнесла это имя. У меня странное чувство, как будто я его уже знал. Или как будто она была членом семьи из моего прошлого. Или моего будущего.

Сделав еще несколько шагов, богиня продолжает: — ...К этим двенадцати богам-учителям добавятся дополнительные боги. Для первой сессии это будут Сизиф, Прометей и Геракл. Для

второй — Орфей, Эдип и Икар. Кроме того, с преамбулой подготовительного курса выступит Кронос, бог времени. Гермафродит окажет вам в случае необходимости психологическую помощь и постоянно будет в вашем распоряжении.

Трибуны снова начинают шуметь, но Афина еще не закончила. Она снова бьет копьем по земле.

— Добавлю, что здесь, как и в любом сообществе, необходимо подчиняться строгим правилам поведения.

1. Никогда не выходить за границы Олимпии после того, как часы пробьют десять ударов, отмечающих двадцать два часа.

2. Никогда не подвергать насилию никакого жителя острова, будь то бог, химера или другой ученик. Здесь мы находимся в оплоте мира, в святилище.

3. Никогда не пропускать занятий.

4. Никогда не расставаться со своим крестом, этим предметом в форме украшения, который был передан вам в футляре. Вы должны постоянно носить его на шее. Он будет служить вам удостоверением и окажется полезен в работе.

Снова гомон на трибунах, на который Афина, понимающая любопытство, вызванное ее словами, отвечает уточнением.

— Знайте, что вне стен Олимпии вы практически беззащитны. Остров полон опасностей, которые ваше воображение не в силах представить.

Шум не только не стихает, но еще больше усиливается.

— К тому же, — добавляет она, повысив голос, — здесь есть некто, могущий отбить у вас всякое желание попутешествовать. Дьявол собственной персоной.

Произнеся это слово, она сама содрогается от ужаса.

На этот раз она вызывает настоящий гвалт. Ее копье уже не способно утихомирить шум, и кентавры вынуждены бить в барабаны, чтобы заставить нас замолчать. У каждого свое представление о дьяволе. Барабанный бой прекращается. Афина заключает:

— Первое занятие завтра. Бог Кронос, отвечающий за время, будет ждать вас на вводную лекцию. Я настаиваю на том, чтобы занятия проходили спокойно, в ясности души и чистоте ума. Именно в этот момент раздастся ужасный предсмертный крик.

18. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КРИК

Жизнь часто начинается и заканчивается криком. У древних греков солдаты во время атаки должны были кричать «А-ла-ла», чтобы подбадривать друг друга. Древние германцы вопили в щиты, чтобы вызвать эффект резонанса, который пугал лошадей противника. В кельтской мифологии упоминается Хопер Ноз, ночной крикун, который воплями загонял путешественников в ловушки. В Библии говорится про сына Иакова Рувима, который мог до смерти напугать криком любого, кто его слышал.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

19. ПЕРВОЕ ОФИЦИАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Крик длится долго, а потом неожиданно прекращается.

Мы обеспокоенно переглядываемся. Кричали, кажется, где-то за амфитеатром. Сова Афины летит в этом направлении, а кентавры уже галопом скачут туда. Мы спешим за ними.

Кентавры, вскоре окруженные плотной толпой, уже обступили место, где я, с трудом протиснувшись, вижу лежащую на спине жертву с раскинутыми в стороны руками. На месте сердца огромная дыра, через которую видно землю. Как и у Жюль Верна, плоть вокруг раны обожжена.

Меня пробирает дрожь. Когда я был ангелом, мне казалось, что я навсегда избавлен от страха смерти. Оказавшись здесь во плоти, я вновь обрел этот древний страх. Значит, я снова стал в каком-то смысле смертным. Я могу не только страдать, но и умереть.

Почему боги отказались от привилегий ангелов?

Уже совсем стемнело, и один из учеников подносит к искаженному ужасом лицу жертвы факел, который освещает и потрясенных присутствующих. Я спрашиваю:

— Кто это?

— Его звали Дебюсси, Клод Дебюсси, — шепотом говорит какой-то меломан.

Автор «Послеполуденного отдыха фавна» был среди нас и исчез, а я его даже не узнал.

— Кто это сделал? — обеспокоенно спрашивает кто-то.

— Дьявол... — выдвигает предположение мистик Люсьен Дюпре.

— А почему бы не ваш «Великий Бог»? — иронизирует Прудон. — Поскольку предполагается, что он бог справедливости, почему бы ему время от времени не наказывать своих прихожан? Раз уж вы в него верите, принимайте и наказания.

Афина озабоченно качает головой. Ее сова летает вокруг, как бы пытаясь определить убийцу.

— Преступник один из вас, — заявляет богиня. — Один из богов-учеников... Богоубийца.

Богоубийца, впечатляющее слово.

— Кто видел жертву последним? — спрашивает она. Два кентавра уже укладывают тело музыканта на носилки. Они покрывают его тканью, под которой, как мне кажется, оно вдруг шевелится. Я протираю глаза. Это или рефлекторное движение, или у меня галлюцинации. Я бормочу:

— Это не первое преступление. Был еще Жюль Берн.

— Кто это сказал? — восклицает богиня.

Я и не предполагал, что у нее такой хороший слух.

Я прячусь за головами других учеников. Сова вновь начинает кружиться над нами, пристально вглядываясь в лица. Когда она пролетает надо мной, я чувствую колебание воздуха от крыльев.

— Кровь в королевстве богов... Богоубийца наверняка один из ста сорока четырех учеников этого курса.

Лицо богини становится очень жестким.

— Я сумею его найти и покарать. И, верьте мне, наказание будет образцовым. — 144 минус 1, нас теперь только 143, — замечает Прудон, настолько же мало впечатленный преступлением, как и угрозой кары.

Я же в волнении сжимаю рукой висящий на шее крест.

20. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: КРЕСТ

Крест с дужкой был в Древнем Египте символом богов и царей. Он имеет форму буквы «Г», сверху которой находится дуга. Его также называют «Узлом Исиды», поскольку для египтян эта дуга является символом дерева жизненной энергии, ассоциируемым с Исидой. Кроме того, он напоминает, что достижение реальной или желаемой божественности осуществляется посредством развязывания узлов, имея в виду, что этот акт влечет за собой в прямом смысле слова «освобождение от узлов» души. Этот крест можно обнаружить в руках Ахенатона и большинства других служителей культа Солнца. Во время похоронных церемоний этот особенный крест держали за дужку. Его считали ключом, открывающим путь к вечной жизни и закрывающим зоны, запретные для непосвященных. Иногда его рисовали на лбу, между глаз у только что прошедшего обряд посвящения как обязательство хранить тайну. Тот, кто познал секреты потустороннего мира, не должен открывать их никому, иначе он их забудет.

Копты считали этот крест ключом к вечности.

Крест с дужкой можно встретить у индейцев, для которых он представляет союз активных и пассивных начал, или двух сексуальных символов, объединенных в некой однополой сущности.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

21. ГОЛУБОЙ ЛЕС

— Вам не кажется, что мы совершаем огромную ошибку?

Мы с Эдмондом Уэллсом перебираемся через восточную стену Олимпии с помощью связанных простыней.

— Единственный способ узнать это — сделать это, — отвечает он.

Мы медленно спускаемся, а я продолжаю бормотать:

— Жюль Верн сказал мне: «Главное, не ходите туда».

Мои проволочки начинают раздражать учителя.

— Мишель, а чего ты хочешь? Чтобы мы продолжали сидеть на месте и гадать, что же находится на вершине этой горы?

В этом решительном человеке, подстрекающем меня к трансгрессии, я больше не узнаю того Эдмонда Уэллса, который учил меня соблюдать правила Империи ангелов.

Когда мы наконец достигаем земли, мои ладони стерты до крови. Мы поспешно прячем простыни в зарослях акаций.

Отсюда видны только две луны, а гора еще более впечатляюща.

Олимп...

Мы идем в высокой траве на восток.

По мере того как мы продвигаемся вперед, местность становится все более пересеченной. Среди тра— вы все чаще и чаще появляются заросли кустов и деревьев, которые наконец переходят в сплошной густой лес. Затем наклон становится меньше, и наш путь среди деревьев ускоряется.

Закатное небо становится багрово-красным.

Внезапно раздается какой-то шум. Мы бросаемся на землю, чтобы спрятаться в папоротниках. Медленно приближается человек в белой тоге. Ученик. Я хочу встать и позвать его, но Уэллс удерживает меня за руку и делает знак молчать. Я не понимаю его предосторожности до того момента, как херувимка пролетает над незнакомцем, а потом удаляется в сторону города. Буквально через несколько секунд галопом прибегает кентавр и хватает безрассудного.

— Херувимки следят, кентавры ловят, — шепчет Эдмонд.

Человек-лошадь уносит нашего незнакомца куда-то на юг, и я с беспокойством спрашиваю:

— Что они с ним сделают?

Эдмонд Уэллс задумчиво молчит, пока кентавр не исчезает вдаль. Он оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что поблизости нет ни херувимок, ни кентавров.

— Если продолжить обратный отсчет, начатый Пру-доном, нас теперь не 143. Нас 143 минус 1, то есть 142.

Мы продолжаем путь, внимательно оглядывая окрестности. Мы замираем при малейшем шуме, но тишину нарушает только шелест листьев. Поднимается западный ветер. Он усиливается, надувает наши тоги, раскачивает деревья и срывает листья.

Вдалеке я замечаю херувимку, пытающуюся бороться с ветром. Потом она удаляется перед надвигающейся грозой. Думаю, у этих крылатых девчонок есть своя деревня. Возможно, это большое гнездо. Я представляю, как девушки-бабочки томно нежатся в гнезде, выстланном мхом, веточками и лишайниками.

Топот копыт. Кентавр бежит невдалеке, несомненно в поисках новых трансгрессоров. Мы прячемся в канаве, а он останавливается и нюхает воздух. Раздуваемая ветром грива бьет его по

лицу. Он встает на дыбы, чтобы лучше оглядеться, и козырьком прикладывает к глазам ладонь. Затем хватает длинную ветку и начинает колотить по кустам, чтобы выгнать возможных нарушителей. Но порывы ветра в конце концов берут верх над его подозрительностью, и он тоже удаляется в сторону города.

Мы наконец вылезаем из канавы. Ветер постепенно утихает. Мои зубы выбивают дробь.

— Тебе холодно? — спрашивает Эдмонд Уэллс.

— Нет.

— Страшно? Я молчу.

— Боишься богоубийцы? — настаивает Эдмонд.

— Нет.

— Тогда дьявола?

— Тоже нет.

— Тогда чего? Что тебя кентавр поймает?

— Я думал... об Афродите.

Эдмонд Уэллс дружески бьет меня по плечу.

— Не предавайся фантазиям.

— Дионис сказал, что это место Последней Инициации. Так что вполне естественно, что здесь сталкивается самое плохое и самое хорошее, что здесь испытывают абсолютный страх и абсолютное желание. Дьявол и богиня любви...

— Ах, Мишель, ты постоянно попадаешь в силки воображения. Теперь вот влюбился в женщину, которую пока даже не встретил. Сила слова, да? «Богиня любви», ты находишь удовольствие, произнося эти слова...

В лесу наклон делается все более крутым. Небо из красного становится лиловым, из лилового серым, и наконец темно-синим. Треугольная вершина окутанной облаками горы посылает новый световой сигнал, как будто бросая нам вызов.

Становится еще темнее. Я не вижу больше собственных ног. Я думаю, что лучше было бы отказаться от нашей затеи, и в этот момент снизу раздаются двенадцать ударов, означающих полночь.

Все погружается во мрак. Однако я различаю крошечную светящуюся точку в зарослях папоротников. Светлячок, целый рой взлетает, образуя светящееся облачко на уровне наших глаз.

Эдмонд Уэллс берет одно из светящихся насекомых и сажает на ладонь. Светлячок не улетает. Он начинает светиться еще сильнее. Специалист по муравьям с осторожностью протягивает мне светлячка, который съезживается на моей ладони. Меня удивляет, что такое маленькое создание производит столько света. Конечно, мои зрачки постепенно привыкли к темноте, но это насекомое практически заменяет мне карманный фонарик.

С помощью светлячков мы продолжаем свой путь. Неожиданно другие вспышки света пробиваются сквозь темноту. Мы снова прячемся в канаве и видим поразительную картину: боги-ученики перемещаются, освещая свой путь молниями. Так значит, наши кресты могут вызывать молнии. Я понимаю, почему Афина была так категорична, когда обвинила в смерти Клода Дебюсси одного из учеников. Плоть вокруг раны была обуглена. Крест с дужкой, возможно, является крестом жизни, но и крестом смерти тоже.

Незнакомцы нас заметили, они выключили кресты. Мы положили светлячков на землю. Мы их больше не видим, они нас — тем более, однако и они, и мы знаем, что нас разделяет примерно пятьдесят метров. Я решаю рискнуть:

— Кто вы?

— А вы? — отвечает женский голос.

— Сперва вы.

Мне отвечает мужской голос:

— Вы первые.

Диалог глухих. Я беру инициативу на себя:

— Давайте встретимся посередине.

— Давайте. Насчет «три». Один... Два... Три... Никто не движется. Это напоминает мне отрывок из энциклопедии Уэллса по поводу парадокса заключенного, который никогда не может полностью доверять своим сообщникам и всегда предпочитает их выдать, чем рисковать быть выданным ими. Однако сейчас меня что-то смущает. Этот мужской голос... Он кажется мне знакомым. Я с недоверием спрашиваю: — ...Рауль?

— Мишель!

В темноте мы наугад бежим навстречу друг другу, встречаемся и самозабвенно брасаемся в объятия. Рауль, Рауль Разорбак. Мой лучший друг. Мой брат. Рауль, молчаливый мальчик, встреченный на кладбище Пер-Лашез и передавший мне свою страсть к завоеванию неизведанных территорий духовности. Вместе с ним, рядом с ним я отодвинул границы познания территории мертвых. Рауль, истинный изобретатель та-натонавтики, бесстрашный пионер потустороннего. Он замахивается крестом и направляет его на землю. Вспышка освещает его острое лицо и мое тоже.

— Мишель, ты постоянно следуешь за мной!

Он обнимает меня своими длинными руками. Позади него появляются два других силуэта. Я протираю глаза. Это Фредди Мейер, слепой раввин, поведавший нам секреты каббалы. Фредди, с его круглым лицом и добродушным видом, был пионером групповых полетов с переплетением серебристых нитей и всегда мог короткой шуткой разрядить самую мрачную ситуацию.

— Вселенная и вправду тесна, — восклицает он. — Даже на другую планету нельзя отправиться, не встретив друзей...

Он освещает землю движением креста, и я вижу его лицо.

Слепой на Земле, здесь он обрел зрение. Мэрилин Монро рядом с ним. Мэрилин Монро, непревзойденный секс-символ, стала подругой раввина в стране ангелов. «Потому что юмор лучше всего соединяет пару», — утверждала она. Звезда потрясающе соблазнительна в струящейся тоге. Я прижимаю ее к себе.

— Ну вот, — говорит Фредди, — не успел обрести плоть, как все поводы стали хороши, чтобы лапать мою жену...

— Афина сказала, что здесь только французы. Но ведь ты, Мэрилин, насколько я помню, американка...

Фредди объясняет, что став его женой, она смогла выбрать национальность. Чтобы больше не расставаться, она объявила себя француженкой, и небесная администрация разрешила это. Со своей стороны, я думаю, что власти Олимпа должны были быть действительно заинтересованы в присутствии эльзасского раввина на этом курсе, если пошли на такое нарушение правил. А может быть, они рассматривают понятие национальности в широком смысле, ведь Мата Хари и Винсент Ван Гог, хоть и скончались во Франции, имели голландское происхождение...

Актриса по-прежнему восхитительна. Вздернутый нос, голубые глаза, оттененные длинными шелковистыми ресницами, молочный цвет лица, все в ней говорит о смеси силы и хрупкости, нежности и грусти, все меня возбуждает и трогает.

Эдмонд Уэллс тоже выходит из темноты. Между Раулем и моим учителем всегда было некоторое недоверие, но теперь они, кажется, забыли прежние обиды.

— «Любовь как шпага, юмор как щит!», — восклицает Мэрилин, напоминая объединявший

нас прежде клич.

В едином порыве мы повторяем наш старый девиз, не беспокоясь больше о херувимках и кентаврах.

— «Любовь как шпага, юмор как щит!»

Наши руки соединяются. Мы снова вместе, и нам хорошо. Столько общих воспоминаний сразу всплывает в памяти.

Когда мы были ангелами, мы вместе отправлялись в космос на поиски планеты, населенной разумными существами, и нашли Красную.

Мы вместе сражались с армией падших ангелов и победили с помощью «Любви как шпаги и юмора как щита».

— Мы были танатонавтами, когда решили открыть континент мертвых, — говорит Фредди Мей-ер. — Мы были ангелонавтами, когда исследовали Империю ангелов. Теперь, когда мы обнаружили королевство богов, нам нужно новое название.

— Теонавты, от греческого «тео», что значит бог, потому что мы станем исследователями божественного, — говорю я.

— Пусть будет теонавты, — одобряют друзья. Рауль объясняет мне, как обращаться с крестом.

Чтобы произвести вспышку света, нужно повернуть колесико D, а потом нажать на него. Осветив землю, я вижу, что трое моих друзей перепачканы землей.

— Мы прокопали туннель под стеной, в углу, где кусты скрывают выход, — объясняет раввин. — Камни просто складывали на землю. Втроем получилось быстро.

— Давайте продолжим путешествие вместе, — предлагает Эдмонд Уэллс.

Теперь мы впятером поднимаемся по лесу. Мы перебираемся через лоцинки, идем по тропинкам. За живой изгородью из кустарника мы попадаем в странное место.

Здесь раскинулась долина, в центре которой течет поток зеленовато-голубого цвета шириной в несколько десятков метров, светящийся в темноте, как большой освещаемый изнутри бассейн. Вода непрозрачная, но местами в ней можно различить светящиеся точки. Это что-то вроде водяной версии светлячков. Они-то и освещают поток.

Никогда не видел настолько интенсивного голубого цвета.

I. ТВОРЕНИЕ В ГОЛУБОМ

22. ГОЛУБОЙ ПОТОК

Голубой цвет.

Мы долго стоим на месте и смотрим на воду. Светлячки летают над поверхностью, дополняя удивительную картину.

Ветер стих. Кентавров не видно. Если они пошли спать, то как они спят? Стоя, склонив голову, как лошади, или лежа на боку, как люди?

Внизу, в долине, часы бьют один час утра, и в этот момент, к нашему изумлению, над горизонтом появляется яркий луч света. Он пробивает облака, гораздо более мощный, чем те вспышки, что временами появляются на вершине горы. Значит, рассвет здесь наступает в час утра, и я понимаю, что это встает второе солнце. Оно поднимается не так высоко, как первое, и остается красным.

Став ненужными, светлячки незаметно исчезают. Зеленовато-голубой поток становится лиловым на фоне бежевого песка и светло-зеленого леса.

Мы идем вдоль берега в поисках брода, но шумный водопад, который напоминает Мэрилин Монро ее съемки в «Ниагаре», преграждает дорогу. Нам не пройти. Ниже по течению поток остается быстрым, но кажется не таким сильным. Стоит ли рискнуть переправиться вплавь или поискать еще?

Звук шагов прерывает споры, и мы быстро прячемся в канаве. Это бог-ученик, который идет один в нашу сторону. Рауль вскакивает одним прыжком:

— Отец!

Франсис Разорбак кажется гораздо меньше удивленным этой неожиданной встречей, чем его сын.

— Что ты здесь делаешь, Рауль?

— Значит, ты считал меня неспособным стать богом, отец?

Из его тоги выпадает книга. Рауль спешит ее поднять.

Франсис Разорбак объясняет, что после того, как на Земле он выпустил книгу «Смерть, эта незнакомка», здесь он продолжает свою работу над книгой «Мифология». Прибыв сюда, он записал все, что помнил, о философии и древнегреческой мифологии, описанных в его последней книге. Он надеется дополнить эту сотню страниц тем, что обнаружит на острове.

Эдмонд Уэллс заявляет, что его это очень интересует и он тоже продолжает писать более общую «Энциклопедию». Он был бы счастлив включить туда мифологические познания Франсиса Разорбака, наверняка более точные, чем его собственные.

Но Франсис делает отстраняющее движение.

— Чтобы другой пользовался плодами моих исследований? Это слишком легко! У каждого своя работа и свой путь.

— Я считаю, что знания не принадлежат никому, — говорит мой наставник. — Они принадлежат всем. Мне кажется, греческую мифологию мы знаем в основном благодаря Гесиоду. Мы ничего не изобретаем, ничего не создаем, мы лишь перебираем на свой манер знания, существовавшие до нас.

Но Франсис молчит, мало убежденный этими аргументами.

— Не вы изобрели греческую мифологию, господин Разорбак, и я не изобретал квантовой физики. Все это, по сути дела, нам не принадлежит. Мы лишь ленточки, которые связывают цветы в букет.

Лицо Франсиса Разорбака вдруг багровеет.

— Когда я был смертным, я никому не давал свою зубную щетку и никому не позволял есть

из моей тарелки. Я не понимаю, почему, став богом, я должен изменить поведение. Все растворяется, рассыпается от бессмысленных смесей. Храните цветы вашего «букета», а я буду хранить мои.

— Но, папа... — пытается вмешаться Рауль.

— Молчи, сын мой, ты в этом ничего не понимаешь, — отрезает Франсис Разорбак.

— Но...

— Мой бедный Рауль. Все время хнычешь, все время жалуешься. Один в один портрет матери. Как и ты, несчастная была постоянно в моей тени, а когда меня не стало, я понял, что вы способны жить лишь по доверенности.

— Но, папа... ведь это ты нас бросил! Разорбак выпрямляется и мерит сына взглядом, под которым тот съеживается.

— Исчезнув, я заставил вас обнаружить собственные таланты. Мускул, который не работает, атрофируется. А ведь храбрость — это мускул, независимость — это мускул, амбициозность — это мускул.

Рауль пытается оправдываться:

— Отец, ты мне сказал: «Повинуйся мне, будь свободным». Это два противоречащих друг другу понятия.

— Я наблюдал за тобой сверху и очень хорошо видел, что ты продолжаешь топтаться на месте, вместо того чтобы идти вперед.

— Как ты можешь так говорить, отец? — протестует Рауль. — Я создал танатонавтику. Я обнаружил планету Красная.

— Но без удали, — продолжает отец. — Все время заставлял кого-нибудь тебя сопровождать. И кого, я тебя спрашиваю? Еще более нерешительных, еще более боязливых, чем ты сам. Один ты бы пошел дальше, быстрее, выше. Без них ты бы стал настоящим героем.

— Мертвым героем, — вздыхает Рауль. Отец пожимает плечами.

Нам нет места в этой дуэли, хотя я замечаю во взгляде моего друга вспышку, которая так беспокоила меня раньше.

— Твоя бравада, твоя жертвенность, ты доказал их... покончив с собой, — настаивает Рауль.

— Прекрасно, — заявляет отец. — Я покончил с собой, чтобы продолжать исследовать новые территории. Территории смерти. Чтобы показать вам дорогу. Всегда пытаться, всегда дразнить богов, провоцировать судьбу. Ты всегда взвешивал все «за» и «против», постоянно колебался, прежде чем решиться предпринять что-то.

И в этот момент, как будто устав от стольких споров, Франсис Разорбак неожиданно раздевается, бросив тунику, тогу и книгу на куст папоротников. Гольный, он бросается в воду, не обращая внимания на холод и течение, и удаляется прекрасным кролем. Доплыв до середины, он оборачивается к нам:

— Вот видишь, сын, постоянно канителишься, постоянно ждешь других, вместо того чтобы предпринять что-то самому. В жизни нужно устремляться вперед, а потом уже разглагольствовать.

Мы собираемся последовать примеру более храброго, чем сами, когда Мэрилин нас останавливает. В воде появились странные создания. Женщины-рыбы. У них торс молодой женщины, а низ заканчивается длинным рыбьим хвостом с боковыми и спинными плавниками.

Их чешуя отликает голубым и серебряным цветом, как блески.

— Осторожно, папа! — кричит Рауль.

Бывший профессор не слушает его. Он быстро плывет. Когда он осознает опасность, уже слишком поздно, ему не успеть достичь противоположного берега. Водяные создания схватили

его за икры и утащили под воду. Рауль пытается прыгнуть в воду и помочь ему, но раввин Фредди Мейер удерживает его.

— Отпусти меня! — кричит Рауль, пытаясь вырваться.

Фредди не сможет долго удерживать его. Я понимаю, что теперь нужно действовать мне. Подняв с земли камень, я бью им по голове своего друга. Я только что нашел его не для того, чтобы опять потерять. Он с удивлением смотрит на меня одно мгновение, а потом плашмя падает на песок. В потоке его отец последний раз высовывает руку из воды, а потом исчезает окончательно.

Несомненно привлеченный нашими криками, галопом прибегает кентавр. Мы с Фредди хватаем Рауля за ноги и за плечи и прячемся в канаве. Кентавр проходит мимо, нюхает отпечатки наших ног, хлещет веткой густую растительность и наконец удаляется.

Сирены высовывают из воды красивые личики и начинают петь мелодичную песню, приглашая к себе.

— Сегодня уже ничего не удастся сделать. Пора возвращаться, — говорит Эдмонд Уэллс, хмуря брови.

Я успеваю лишь подобрать книгу «Мифология».

23. МИФОЛОГИЯ: ГРЕЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС

В начале был Хаос.

Ему ничего не предшествовало. Он появился просто так, без формы, без шума, без вспышки и был бесконечного размера. Протекли тысячи лет сна, прежде чем Хаос неожиданно произвел на свет Гею, Землю.

Гея была оплодотворена и разродилась яйцом, из которого появился Эрос, пульсация любви. Невоплощенный бог, Эрос летал по Вселенной, невидимый, неосязаемый, но распространяющий повсюду любовные пульсации.

Хаосу понравилось производить на свет богов. Поэтому он не остановился и создал Эреб — сумерки и Нике — ночь. Они не замедлили сокоупиться и породили Эфир, который нависает над Вселенной, и Гемеру, свет, которая стала его освещать. Однако Сумерки и Ночь постоянно ругались. Они ненавидели своих слишком странных детей и быстро удалились от них. Как только появились Эфир и Гемера, Сумерки и Ночь удрали, а когда они решили вернуться, настала очередь других уходить.

Гея продолжала рожать новых детей. Так появились Уран, небо, который расположился над ее головой, и Урея, горы, расположившиеся по бокам, Понтос, вода, которая потекла по ее телу. Четвертый ребенок остался внутри своей матери: это Тартар, подземный мир пещер. Небо, море, горы, подземный мир. Гея была отныне одновременно богиней и прекрасной планетой. Но она была еще далеко не стерильна, а ее пантеон не был полон. Со своим первым сыном Ураном она произвела на свет двенадцать титанов, трех циклопов и трех гекатонхейров, гигантов с пятьюдесятью головами и ста руками.

Но когда Уран осознал, что он лишь игрушка в руках своей матери, он отказался от роли отца, возненавидел титанов и циклопов и заточил их в подземный мир — Тартар. Взбешенная Гея создала ядовитую змею и передала своим заточенным в подземелье детям. Им самим нужно убить сумасшедшего отца и освободиться.

Но все слишком боялись своего родителя, чтобы осмелиться действовать. Лучше уж томиться в темнице, чем быть покаранным небом. Только Кронос, младший из титанов, протянул руку к змее. Он появился в тот момент, когда Уран силой овладевал его матерью Геей, схватил член отца, отрезал его и бросил в море. Уран взвыл от боли и удалился, в ужасе от преступления, совершенного его ребенком, которого он проклял: «Тот, кто осмелился поднять руку на собственного родителя, будет в свою очередь покаран своим сыном».

После стольких рождений и насилий Уран — небо и Гея — земля расстались навсегда. И наступило время правления Кроноса, бога времени.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5 (со слов Франсиса Разорбака, руководившегося Гесиодом, ок. 700 г. до н. э.)

24. СМЕРТНЫЕ. ГОД О

Я падаю в кресло у себя на вилле. Я весь измотан. Какая ночь. Возвращение, однако, было легче благодаря туннелю, вырытому под стеной моими друзьями. Тем не менее нам пришлось нести Рауля, который был без сознания.

Номер на его кресте позволил узнать нужный адрес. Он живет на вилле 103 683. Там мы положили его в кровать. Завтра у него будет здоровенная шишка на голове, но по крайней мере мой друг останется с нами, а не в глубине голубого потока.

Я закрываю глаза. Новое ощущение проникает в меня. Усталость. Все мои мускулы горят. Сердце неистово бьется. Я весь в поту, а туника в грязи. К тому же я хочу есть. Я голоден, и меня мучает жажда. Я истощен, но слишком возбужден, чтобы заснуть. Хотя я и не слышал боя часов, я чувствую, что сейчас два часа утра.

Так и есть. Часы бьют два раза. Мне просто необходимо отдохнуть. Занятия начинаются в восемь утра. Мне кажется, что когда я был смертным, мне нужно было как минимум шесть часов, чтобы восстановить силы.

Я поворачиваюсь на один бок, потом на другой, и мой взгляд падает на крест, висящий на шее. Красивая вещь. Наудачу я нажимаю на кнопку D. Крест испускает луч, но не в виде линии, а в виде пучка ослепительно-белого цвета, направленного в цель. В результате этого избытка вспыхивает один из стульев разлетается в щепки.

Так вот что делает крест, если он не дает света. Священное оружие. Вращая колесико D, я понимаю, что это увеличивает или уменьшает разрушительную силу. Чем она сильнее, тем это больше напоминает луч лазера. А что такое A? Я кручу колесико, нажимаю на него. Никакого эффекта. A N? Я ожидаю любых катастроф, но не включения телевизора.

Значит, крест и есть пульт управления, который я никак не мог найти. Что же показывают по ТелеОлимпу? Я смотрю на экран. На кровати женщина с раскосыми глазами, рядом с которой две медсестры и мужчина, рожают. Она сжимает зубы и не кричит. Медсестры тоже молчат. Все происходит в благоговейной атмосфере. Цифра в углу экрана указывает на канал: 1. Я кручу колесико, чтобы переключиться на второй. Еще одни роды. На сей раз это полная блондинка. Света меньше, но больше народа. Тщедушный человечек со взглядом бретонского спаниеля, наверняка муж, весь бледный, сжимает руку роженицы, которая тоже отвечает пожатием. Время от времени он наклоняется, чтобы посмотреть, что происходит, но тут же в страхе отстраняется назад. Женщина дышит, как маленькая собачка, и дает наставления всем присутствующим, по-моему, на греческом языке. Туча медсестр и молодых врачей суетятся вокруг нее. В глубине зала видна вся семья. Однако голос будущей мамы перекрывает все остальные. Она дает советы и ругает на чем свет стоит всех врачей.

Третий канал. Там роды происходят не в больнице, а в деревянной хижине в африканском лесу.

Присутствуют только женщины. Повивальная бабка, одетая в пышное праздничное платье, водружает сложные украшения на заплетенную косичками шевелюру. Вокруг нее под ритм тамтамов мелодично поют девочки, их песню подхватывает небольшая толпа, собравшаяся снаружи.

Четвертого канала нет. Судя по трем первым, я прихожу к выводу, что в Олимпии телевидение показывает только роды. Если только сегодня не день передач «Роды вокруг света».

Я возвращаюсь на первый канал. Щуплое создание тихонько хнычет. Медсестра прикрепляет к крошечному запястью браслет-этикетку, затем делает укол в руку. Другая вводит в ноздрю трубочку и закрепляет ее лейкопластырем.

На втором крупный упитанный ребенок сучит ногами и орет под аплодисменты всей семьи. Все спешат поцеловать его, в то время как медсестра, вооруженная плохо заточенными ножницами, борется с пуповиной.

Новорожденного с третьего канала повивальная бабка подносит к окну и показывает собравшимся в саду зевакам. Они вновь начинают свой напев, который мать подхватывает со своего ложа.

Охваченный интуитивным озарением, я вытаращиваю глаза. Три рождения. Боже мой! Это же мои бывшие клиенты, три души, которые были на моем попечении, когда я был ангелом. Я стараюсь их узнать. Африканский ребенок, это наверняка Венера Шеридан, американская звезда, которая захотела найти свои глубокие корни в новой жизни. Маленький грек, должно быть, Игорь, мой русский солдат. Из верности к кириллическим языкам он решил возродиться в стране эллинов. Мать его ненавидела, и он захотел, чтобы теперь его обожали. Видя, как полная женщина покрывает его поцелуями, нет сомнения, что он вышел из цикла проклятий, из-за которого на протяжении десятка реинкарнаций родительница пыталась его уничтожить. Азиатский ребенок, следовательно, Жак, мой писатель. У него всегда была страсть к Востоку, ну вот он и там. Я отмечаю по ходу дела, что тот факт, что я освободил его от необходимости возродиться, не заставил его стать ангелом... Он предпочел вернуться на Землю и стать бодхисат-вой, просветленной душой, которые воздействуют на себе подобных на свой манер.

Новорожденные похожи на маленьких сморщенных старичков. В «Энциклопедии относительного и абсолютного знания» правильно говорилось, что в первые секунды после рождения ребенок еще имеет физиономию старика, каким он был в последней инкарнации. От нее у него остаются обрывки воспоминаний, пока палец ангела-хранителя не поставит под маленьким носиком желобок забвения. Ангельский поцелуй амнезии.

Несмотря на это, совсем маленькая девочка, старшая сестра новорожденного, шепчет ему на ухо фразу, которая приводит меня в замешательство: «Не забудь, главное, не забудь все, что с тобой было раньше. Не забудь, а когда сможешь говорить, расскажи мне, а то я все забыла».

25. МИФОЛОГИЯ: КРОНОС

Избавившись от своего отца Урана, оскотив его, Кронос захватил трон. Последний, удалившись от Земли, проявлял себя лишь спорадическими дождями. Что до Геи, матери-земли, то она избрала другого любовника из своего потомства и бросила его в Понтос, воду. Вместе они произвели множество водных существ. Титаны тоже вступили в отношения инцеста со своими сеетрами. Старший, Океан, взял в супруги Тефиду, родившую три тысячи дочерей — океанид и реки, которые стали всеми потоками. От Нике произошли Гопнос — сон, Танатос — смерть, Эрида — раздор, Немесида — гнев.

Кронос, в свою очередь, сошелся со своей сестрой Реей, которая родила от него Эстию, Геру, Деметру, Гадеса и Посейдона. Вспомнив, однако, что отец проклял его и предсказал, что он тоже будет свергнут своими детьми, он проглотил их сразу после рождения. Раздраженная такими злодеяниями, Рея удалилась на Крит, где родила шестого ребенка — Зевса. Она последовала совету своей матери Геи, которая подсказала ей, как обмануть Кроноса. Она должна была протянуть ему камень, завернутый в пеленку, сказав, что это их ребенок. Наивный родитель тут же проглотил камень. Спасенный благодаря этой стратегии, Зевс рос в гроте, лелеемый нимфами, которые пели вокруг него каждый раз, когда он хотел заплакать, потому что крики и плач могли насторожить Кроноса.

Таким образом Зевс достиг взрослого возраста. Тогда он предложил своему отцу очень вкусный алкогольный напиток, не забыв добавить в него сильнодействующее рвотное средство. Хитрость удалась. Вместе с проглоченным камнем Кронос изверг пять первых детей. И пока он не успел отреагировать, Зевс, Эestia, Деметра, Посейдон и Гадес укрылись на вершине горы Олимп.

Чтобы отомстить, Кронос призвал на помощь своих братьев и сестер титанов. Разгорелась битва между старыми и новыми бессмертными. Более опытные титаны сперва побеждали, но один из них, Прометей, встал на сторону Зевса и дал ему ценные советы. Он посоветовал позвать на помощь одноглазых циклопов и сторуких гекатонхейров. Они оказались прекрасными союзниками. Они подарили Зевсу гром, молнию и вспышки, Посейдону — трезубец, а Гадесу — каску-невидимку.

Борьба продолжилась до окончательной победы олимпийцев. Поверженные титаны были закованы в цепи в самой глубине Тартара. Кронос, отец, получил привилегию быть сосланным на остров вечно счастливых.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5 (со слов Франсиса Разорбака, руководившего «Теогонией» Гесиода, 700 г. до н. э.)

26. СУББОТА: ЛЕКЦИЯ КРОНОСА

Восемь часов. Колокола бьют заутреню. Я заснул перед включенным телевизором, прямо в грязной тоге. Я принимаю душ и переодеваюсь.

Сегодня суббота, день Сатурна, древнеримское название греческого бога Кроноса.

Завтрака нигде не видно. Улицы Олимпии пусты, здесь и там висят еще клочья тумана. Влажные от утренней росы растения источают пряные ароматы. Несколько сбившихся с пути кентавров, сатиров и нимф, судя по всему, провели трудную ночь. Мне немного холодно в легкой тоге. Кучка учеников уже собралась под яблоней, они притопывают, чтобы согреться. Я был наверняка слишком занят в первые дни, разглядывая земных знаменитостей, если не заметил друзей по Империи ангелов. Рауль, занятый своими открытиями, тоже не заметил в амфитеатре собственного отца... На этот раз я сразу же замечаю моих теонавтов. Они все уже здесь, за исключением Рауля.

— А где Рауль?

Мэрилин и Фредди не знают. Эдмонд Уэллс думает, что он скоро появится, как и остальные ученики. Действительно, опоздавшие со всех сторон бегут на занятия.

Атмосфера напоминает мне начала занятий моего детства, когда мы ждали перед школой и обсуждали, что за учителя у нас будут.

Наконец появляется Рауль с повязкой на голове. К нам он не подходит и даже не отвечает на мое приветствие. Он демонстративно вступает в оживленный разговор с незнакомцами.

— Мне надоело ждать, — жалуется Мэрилин. — Мне холодно, я вся мурашками покрылась.

Фредди обнимает ее за плечи, чтобы согреть, и она нежно прислоняется к нему. К нам подходит Мата Хари.

— Кажется, учеников стало меньше. Двое отсутствовали на переключке. Нас теперь только 140.

— Они нас убивают, убивают одного за другим, — восклицает Прудон. — Тут не школа, а бойня. Дебюсси был первым, за ним последовали другие. Мы все там будем.

— А что случилось с этими двумя? — обеспокоенно спрашивает Люсьен Дюпре, бог-ученик с косоглазием.

— Они наверняка потерялись в лесу, — говорю я уклончиво.

— Вы думаете, они решились на ночную вылазку? — удивляется он.

— А может, они решили вернуться в Империю ангелов? — делаю я предположение.

— Афина говорила о наказании за богоубийство, — напоминает Мэрилин.

— Боги Олимпа мне всегда казались варварами. Наш сегодняшний профессор, Кронос, просто-напросто поедал собственных детей.

Ора Эвномия, по-прежнему безупречная в шафранного цвета одеяниях, приглашает нас следовать за ней на южный проспект.

Мы идем целой процессией. Я пользуюсь этим, чтобы найти Рауля.

— Я ударил тебя, чтобы спасти. Я знаю, ты хотел помочь отцу, но твоя жертва ему бы не помогла.

Он тяжело смотрит на меня, и я понимаю, что еще слишком рано для примирения и извинений.

Дворец Кроноса расположен по правой стороне проспекта. Благодаря пристроенной сбоку колокольне он похож на церковь. Колокола отчаянно звонят, напоминая о начале сессии.

Портал широко раскрыт, и ора Эвномия велит нам занять места на деревянных скамейках перед эстрадой, на которой стоит письменный стол, рядом с ним — огромная подставка для

яйца метровой высоты, а у ее основания — две дыры и выдвигной ящик. Позади черная доска ожидает прихода профессора.

Рауль усаживается подальше от меня.

Я осматриваюсь. На полках по стенам в беспорядке расставлены будильники, настольные и напольные часы, часы с кукушкой, клепсидры, песочные и солнечные часы. Здесь есть коллекционные экземпляры, которые должны стоить целое состояние, другие поскромнее, из бакелита и даже из пластика. Все это беспорядочно тикает.

Мы ждем, шушукаясь, пока в глубине не открывается дверь и из нее появляется старик более двух метров высотой, лицо которого подергивается от нервного тика.

Не успевает он появиться, как все часы перестают идти. Он кашляет в руку, и мы замолкаем в ожидании.

— На Олимпе мы любим загадки, — начинает он. — Так вот я вам предлагаю одну:

«Он пожирает все: Птиц, зверей, деревья, цветы. Он грызет железо, кусает сталь, Превращает твердые камни в пыль, Убивает королей, разрушает города И сравнивает самые высокие горы. Кто он?»

Он смотрит на нас молча, потом садится со спокойным видом.

— Ни у кого нет идеи?

Никто не пророняет ни звука. Тогда, как будто со вздохом, он бросает:

— Время.

Он встает и пишет на доске: «Кронос».

— Я Кронос, бог времени.

Он совсем не представительен в своих лохмотьях, этот бог времени. Конечно, его темно-синяя тога усыпана звездами, чтобы создавать иллюзию небосвода, но она вся дырявая и жалобно свисает на руках.

— Я ваш первый инструктор, но не ваш первый учитель. Я учитель ноль. Я научу вас создавать время, а также владеть им. Знайте, что я существовал до всех остальных богов и что я являюсь отцом Зевса.

Все, что я читал о нем у Франсиса Разорбака, приходит на ум. Этот... бог, если я правильно понял, самый молодой из титанов, отрезал причинное место собственного отца, чтобы стать его единственным наследником. Затем он убил всех своих детей, чтобы они не соперничали с ним. — ...Первый пункт. Знайте ваши рабочие инструменты.

В то время как он пишет на доске «Божественные инструменты», он задает вопрос:

— Кто может мне напомнить пять рычагов, которыми вы располагали, будучи ангелами?

Поднимаются руки. Кронос выбирает брюнетку с ямочками на щеках. Она заученно перечисляет:

1. Сны.
2. Интуиция.
3. Знаки.
4. Медиумы.
5. Кошки.

— Очень хорошо, девушка. Вы все можете продолжать их использовать, но у вас будет еще один инструмент, свойственный только богам, ваш крест.

Он вытаскивает из своей тоги крест намного большего размера, чем наши.

— Рассмотрим его вместе. Он снабжен тремя черными кнопками с белыми буквами. А, D, N. Я расскажу вам только о «D». «D» производит молнию. «D» разделяет, разрезает, уничтожает, дезинтегрирует. Что касается ваших народов, она позволит насыпать гром и молнии, поджигать

и убивать. Использовать экономно. Даже на Олимпе эта кнопка может убить. Поэтому вам запрещается направлять ваш крест на другого ученика, бога-учителя, химеру или любое другое живое существо. Если вы используете этот инструмент в плохих целях, вас постигнет кара. Я знаю, что один инцидент уже произошел, один ученик убил другого.

Когда Кронос холодно добавляет: «Этот богоубийца ждет напрасно», у меня, такое впечатление, что он смотрит именно на меня и я содрогаюсь, в то время как он продолжает, пристально глядя на класс:

— Никогда не забывайте зарядить батарею вашего креста перед занятиями. Вы найдете у себя в комнате маленькую подставку с выемкой, в которую его нужно вставить. Для недавних душ уточню, что он функционирует как мобильный телефон.

Сказав этот, мэтр дергает за веревку справа от себя.

Раздается звонок, и другой огромный старик входит в класс, тяжело дыша под весом огромной накрытой покрывалом сферы более трех метров в диаметре, которую он с трудом протискивает в дверь.

— Не слишком ли рано, — стонет грузчик, кряхтя. — Я большее не могу.

— Разрешите вам представить Атланта. Поаплодируйте, чтобы подбодрить его.

Мы аплодируем.

Дыша со свистом, тяжелым шагом Атлант направляется к огромной подставке для яйца и скорее бросает, чем кладет сферу, перед тем как вытереть струящийся со лба пот соответствующим его размерам платком.

— Вы не понимаете, это весит несколько тонн.

— Отдохни немного, — сочувственно говорит Кронос. — Будет лучше.

— Нет, не будет лучше. Мне надоели такие условия труда. Никто не понимает тягостей моей задачи. Мне нужен ассистент или по крайней мере тачка.

— Мы это обсудим позднее, — любезно говорит Кронос. — Сейчас не время и не место для такого рода дискуссий.

Подбородком он указывает на учеников. Дыша громче, чем кузнечный горн, гигант выходит, еле волоча ноги.

Кронос продолжает лекцию строгим голосом.

— Быть богом — значит перейти от микрокосмоса к макрокосмосу. Ангелами вы должны были кустарно работать для трех смертных, с их рождения до смерти, то есть на период, который редко превосходит один век. Теперь ваша божественная задача будет касаться человеческих толп в тысячи, а то и миллионы индивидуумов, за которыми вы будете следить многие тысячи лет.

Я весь обратился в слух, ловя каждое его слово.

Кронос снимает покрывало со стеклянной сферы. Внутри планета, поверхность которой едва касается сферы, находится в подвешенном состоянии.

— Подойдите поближе.

Мы собираемся вокруг, а он гасит свет, чтобы мы лучше видели планету, которая теперь излучает собственное свечение.

— Ваши кресты имеют дужку, окружающую лупу. Приставьте ее к поверхности и, поворачивая кнопку «N», которой вы уже переключали каналы телевидения, рассмотрите внимательнее район, который вас интересует.

Я поднимаю руку:

— А для чего предназначена кнопка «A»? Кронос не обращает внимания на мой вопрос. Мы взбираемся на стулья, чтобы оказаться на высоте экватора, и прислоняем глаза к лупам креста, чтобы рассмотреть поверхность планеты.

— Этот мир находится физически здесь, внутри этого стеклянного шара? — спрашивает Жорж Ме-льес.

— Хороший вопрос, но ответ — нет. Эта сфера — лишь экран, и то, что вы видите внутри, — лишь объемная и рельефная проекция этой планеты. Что-то вроде голограммы.

— А как она освещается? — спрашивает другой ученик.

— Она отражает свет своего солнца. В то же время, если все, что вы увидите, происходит в действительности, то и все, что вы сделаете, также будет передано напрямую.

— А где в действительности находится эта планета? — спрашивает Гюстав Эйфель.

— Где-то в космосе. Вам нет необходимости это знать. Местонахождение не имеет никакого значения для вашей работы.

На поверхности планеты с помощью лупы я вижу огромный черный океан с тоненькими черточками белой пены, в котором находятся несколько континентов с неровными краями. Видны пляжи, долины, леса, горные цепи, иногда покрытые снегом, пустыни, потоки и реки. Отрегулировав зум креста с помощью кнопки «N», я вижу поселки, деревни и города, и даже дороги и дома. Настоящий миниатюрный мир.

Я еще поворачиваю колесико на кнопке «N», и появляются поля и скот на них, пробки на дорогах, крошечные человечки, копошащиеся в городских артериях. Города кажутся целостными организмами, которые дышат, выпуская свои дымы как выдохи, мигают тысячами крошечных огоньков.

Но у меня нет звука. Кронос это знает, и он раздает нам наушники и объясняет, где они подключаются к кресту. Если я правильно понимаю, устройство функционирует как направленный микрофон. Там, куда я направляю лупу, я слышу звук.

Я выделяю двух маленьких человечков из множества. Где-то должен быть автоматический переводчик, потому что я сразу понимаю, о чем они говорят. Они жалуются на погоду, которая «испортилась». Чуть дальше, в храме, группа людей сожалеет, что «боги их покинули».

Мы все переводим лупы с места на место, восхищенные. Я вспоминаю время, когда я был ангелом и смотрел в сферах, что происходит с моими смертными. Я меняю угол зрения, как кинорежиссер, использующий все возможности.

Некоторые встают на кончики пальцев, чтобы рассмотреть северное полушарие. Другие на корточках наблюдают за южными территориями. С наушниками и крестами мы напоминаем врачей, исследующих огромную живую бородавку.

Мы играем с непрозрачностью стен, мы можем проходить сквозь крыши, входить в жилища и узнавать секреты живущих там людей. В затененной зоне ночь. Некоторые спят, храпя, другие занимаются любовью. Некоторые не могут заснуть, встают выкурить сигарету на балконе, а заодно и полить цветы. Где-то еще не выключены телевизоры.

Дальше наступает утро. Дети людей встают, одеваются, умываются, быстро проглатывают завтрак. Некоторые готовятся к школе. Взрослые торопятся на завод или в учреждение.

Сколько суеты на переполненных улицах. Автомобилисты бибикают в пробках, пешеходы толкаются у входов в метро. Время проходит, и все начинается в обратном порядке. Зажигается свет в окнах и на улицах. Снова включаются телевизоры.

Это время новостей. Я вижу то, о чем рассказывает журналист. В гористом районе люди бряцают оружием. Они кричат, бегают, дерутся, стреляют друг в друга, корчатся от боли, умирают.

Война — это наверняка спектакль для богов, потому что большинство из нас направило лупы на поля сражений. Вскоре мы видим враждующих, не зная даже, против кого и почему они сражаются. Некоторые ученики заключают пари, считая, что победят темно-зеленые униформы, потому что они кажутся более умелыми, чем светло-зеленые. Но смерть есть и в городах. Люди

собрались в кинотеатре, чтобы посмотреть романтическую комедию, когда здание взрывается. Крича и обезумев, они разбегаются во все стороны. С воем сирен приезжают машины скорой помощи. Разорванные тела лежат на тротуарах и на проезжей части. Мужчины и женщины, с лицами, искаженными ужасом, плачут, стонут, заламывают руки.

Потом спасатели увозят тела, улицу убирают, жизнь возвращается в обычное русло, а люди — к своим обычным делам. Так муравьи снова организуют свою жизнь после того, как ребенок ударит ногой по муравейнику. Мы подпрыгиваем, когда раздается удар колокола, и Кронос включает свет. Как будто пробужденные от глубокого сна, мы остаемся на своих местах, протирая глаза. В какой-то момент нам показалось, что мы с ними. Мы отодвигаем лупы и отключаем наушники.

— Не дайте себя впечатлить кипучей человеческой деятельностью, — советует бог времени. — Вы должны понять это человечество в основном, в его стремлениях, в его надеждах, а не в его... жестикуляциях.

Из-под подставки Кронос достает большие настольные часы.

— Кто-нибудь поинтересовался календарем этой планеты?

Брюнетка, которая уже перечислила пять рычагов ангелов, снова поднимает руку.

— Они живут в 2035 году, — говорит она.

— В 2035 году «их» эры, — уточняет Кронос. — На самом деле, эти люди живут через 15 миллиардов лет после большого взрыва, 5 миллиардов лет после рождения их планеты, 3 миллиона после рождения первого человека, и в 6000 году после основания их первого города. Но для большей ясности демонстрации мы сохраним их ориентиры.

Он крутит зубчатое колесо, и число 2035 появляется на экране сверху часов.

— Это место напоминало нашу Землю, — шепчет какой-то ученик.

Мэтр соглашается.

— Нет тысячи способов создать мир, в котором живые существа смогли бы размножаться.

И к нашему облегчению, он добавляет:

— Однако речь не шла о вашей Земле. Вы заметили некоторые различия?

Ответы сыплются один за одним.

— Одежда. У них странная одежда.

— Пища. Они глотают странные штуки, которые я не смог идентифицировать.

— Религия. Их религиозные символы неизвестны на Земле, и их храмы ничем не похожи на наши.

— На этой планете семь континентов, а не пять, и другой формы.

— У них машины большего размера.

Кронос одобряет кивком головы каждое высказывание. Он добавляет:

— Эта планета больше, чем Земля, и времена года на ней сильнее отличаются друг от друга: знойные лета, очень холодные зимы... К тому же, на ней живут 8 миллиардов человек, — говорит он, выводя число на доске. — Мы, боги, идентифицируем каждую планету по отдельности. Эта называется «Земля 17». Земля, потому что такова ее категория с точки зрения гравитации, метеорологии, химии. Так же, как и откуда вы. 17 — потому что 17 курсов уже поработали над ней.

— В таком случае, как называется наша Земля? — спрашивает Эдмонд Уэллс.

— «Земля 1».

Мы ощущаем общее чувство гордости от принадлежности к первой Земле, планете-оригиналу, планете, с которой сделаны лишь бледные копии. Кронос подтверждает:

— «Земля 17» действительно лишь эрзац вашей «Земли 1». Мы создали ее специально для упражнений богов. В общем, это планета-«черновик», и как все черновики, она предназначена

для опытов и экспериментов...

Я чувствую возбуждение от этой идеи.

— Я покажу вам то, что ни один из других ваших профессоров не сможет сделать.

С гордой усмешкой часового мастера он ставит свои странные часы под яркий свет одной из ламп, свисающих с потолка. Становится видно целое хитросплетение колес, зубчатых, гладких, трубок с разноцветными жидкостями. В центре этого механического переплетения большой круглый циферблат с двумя стрелками. Наверху цифровой экран с числом 2035.

Кронос осторожно открывает крышку, защищающую циферблат, и пальцем толкает вперед длинную стрелку. Быстрый взгляд на планету «Земля 17» позволяет констатировать, что там машины превращаются в болиды и люди бегают в убыстренном темпе.

Мы снова берем кресты, чтобы посмотреть на изменения на планете. Она как будто мигает... Свет, тень, день, ночь сменяют друг друга на полной скорости, а на экране меняются числа: 2036, 2037, 2038, 2039...

Считая, что время течет недостаточно быстро, Кронос отпускает длинную стрелку и берет ее за короткую, и теперь бегут не года, а десятилетия. Как застывшая, «Земля 17» больше не мигает. На ее поверхности возникают дома, затем исчезают, чтобы на их месте появились еще более высокие, дороги извиваются, становятся шире, увеличивается число полос, а в небесах летают аппараты самых разных форм.

Потом города перестают расти, летательных аппаратов становится все меньше, наконец они исчезают совсем, дороги превращаются в тропинки... 2060, 2070, 2080, 2090... Мне хотелось бы, чтобы Кронос прекратил свои фокусы, и я смог понять, почему все так остановилось, но он продолжает свой бешеный бег. 2120, 2150, 2180, 2190... Наконец он останавливается на 2222.

— Посмотрите хорошенько, — приглашает он, — посмотрите, что произошло с этой планетой за два века.

Он снова выключает свет. Мы подключаем наушники.

Больше нет дымных и освещенных городов. Нет машин. Нет огней в ночи. Лишь несколько кочующих племен, вооруженных луками и стрелами.

27. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ ШАГА ВПЕРЕД, ДВА ШАГА НАЗАД

Цивилизации рождаются, растут и умирают, как живые организмы. У них свой собственный ритм, три шага вперед, два шага назад. Они дышат. Они знают моменты восторга, когда все кажется развивающимся по правильной спирали: больше комфорта, больше свобод, меньше работы, лучшие условия жизни, меньше несчастий. Это момент вдоха. Три шага вперед. А затем, достигнув определенного уровня, порыв заканчивается и кривая идет вниз. Приходят замешательство, потом страх, которые приводят к насилию и хаосу. Два шага назад.

Как правило, эта фаза соответствует минимальному уровню, а потом начинается подъем к новой фазе вдоха. Но сколько времени потеряно зря. Так Римская империя строилась, росла, процветала и была впереди других цивилизаций во всех областях: праве, культуре, технологии... А затем она была поражена коррупцией и тиранией и закончилась в полном упадке, под нашествием варваров. Пришлось ждать Средневековья, чтобы человечество принялось за работу там, где Римская империя остановилась в апогее. Даже цивилизации, управлявшиеся наилучшим образом и бывшие наиболее предусмотрительными, закатились, как будто падение было неизбежно.

Эдмон Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

28. ВРЕМЯ ЧЕРНОВИКОВ

Опустошенные поля. Разруха. Разбитые дороги, заросшие дикой ежевикой. Разрушенные здания, где прячутся редкие люди, готовые убить за кусок любой пищи. Орды одичавших детей, которые борются за пропитание с ордами хорошо организованных собак. Уцелевшие после войн солдаты, которые нападают на редких путешественников, ищущих лучшие места, чтобы их ограбить и убить.

В 2222 году на «Земле 17» человечество забыло про мораль и медицину. Эпидемии косят выживших. Нет ни телевидения, ни радио, ни видения мира в целом. На смену цивилизации пришло ожесточенное насилие, и главный закон — каждый за себя. Прижавшись к лупе, я ищу на всех семи континентах хоть что-то, напоминающее возрождение.

Благодаря настойчивости я наконец нахожу в глубине густого леса поляну, на которой племя, кажется, собралось в деревню. Хижины на сваях выстроены полукругом, одна рядом с другой. В центре большой костер согревает людей с прическами, блестящими от жира животных и утыканными птичьими перьями.

Возвращение в предысторию.

В уголке старик обращается к внимательно слушающим детям, и я одновременно с ними узнаю историю катастрофы этого мира, как ему ее рассказал отец, которому ее передал памятный дед.

«Раньше, — рассказывает он, — люди летали по небу. Они разговаривали на расстоянии по всей планете. Они жили в особенных жилищах. У них были машины, чтобы думать лучше и быстрее. Они даже могли делать свет без огня. Раньше... сотня народов жила в мире благодаря их демократической цивилизации. А потом небольшая группа государств, богатых сырьем, начала отменять эти демократические ценности и заменять их религией, основанной на Запрете. Те, кто обращался в нее, назывались между собой „запретчики“. Сперва они заставили говорить о себе, убивая приверженцев других культов и поджигая их храмы, потом они взялись за собственных умеренных и, конечно, за противников. Там, где собирались сторонники демократии, они взрывали бомбы, вызывая бесчисленные жертвы. Не зная, как реагировать на это бессмысленное насилие, не предавая своих ценностей, демократы сперва закрывали глаза на это, а потом попытались смягчить запретчиков, вежливо обращаясь с ними. Но те видели в этом лишь признак слабости и еще больше умножали свои жестокости. Чем больше запретчики свирепствовали, тем больше демократы искали оправдания их убийствам, находили им извинения и обвиняли самих себя, что это они их вызвали.

У запретчиков, по сравнению с демократами и приверженцами других конфессий, было то преимущество, что они были уверены в себе, убеждены в правоте своих идей и к тому же говорили простым языком. В то время как другие жили в сомнениях и сложностях, они спокойно запрещали своим женщинам получать образование и работать, принуждая их заниматься лишь домашним хозяйством и рожать детей. Демократы были убеждены, что такой обскурантизм должен быстро исчезнуть в мире, управляемом наукой, логикой и технологиями. Но ничего подобного не случилось. Движение запретчиков только росло и развивалось, в частности, среди всех противников прогресса. Это началось с наиболее обездоленных классов и в конце концов заразило интеллектуальные классы, которые находили в этом насилии и этой простоте форму нового проекта будущего.

Одна за другой демократические нации встали на колени, согнулись, попали под иго людей этой религии. Вместо того чтобы объединиться, они продолжали спорить между собой по поводу того, как можно остановить бедствие. И не находили такого способа. В то время как

последние очаги сопротивления еще держались, повсюду уже царил террор. Только запретчики творили закон, и люди обращались в их веру, чтобы иметь спокойствие и спасти свою жизнь. Потом они принимали догмы запретчиков. Женщины повиновались мужчинам, мужчины своему шефу, а тот обладал всеми правами. Никто не осмеливался говорить, никто не осмеливался обучаться вне религии, никто не осмеливался иметь собственное мнение. Все должны были беспрерывно молиться в строго установленные часы. Тех, кто пытался уклониться, быстро выдавали соседи.

— Почему это действовало? — спрашивает один ребенок.

— У демократов были вопросы. У запретчиков ответы. Когда выяснилось, что демократические зоны стали лишь небольшими островками, изгрызенными слепыми покушениями фанатиков, истинный шеф запретчиков наконец обнаружил себя. Это не был один из представленных повсюду шефов террористов, но руководитель самой богатой нации, производящей сырье. Человек, который всегда заявлял, что поддерживает демократию. В системе запретчиков двуличие рассматривалось как военная хитрость.

Этот руководитель объявил, что отныне он является единственным представителем религиозного слова, и установил мировую диктатуру. С этого момента он создал иерархию преданных ему шефов и подше-фов. Закон навязывался политической и религиозной полицией. В то время как всему населению запрещались малейшие личные удовольствия, он, его семья и его приближенные жили в роскоши, пороке и разврате, наслаждаясь всеми богатствами. Они ничего себе не запрещали.

— И они по-прежнему летали, и перемещались без лошадей, и делали свет без огня? — спрашивает ребенок племени.

Старик прочищает горло, чтобы продолжить: — Запретчики преследовали ученых и инженеров из страха, что те придумают новые средства борьбы с ними. Каждого, кто хотя бы был похож на образованного, пытали до смерти, чтобы никто не распространял теорий, заранее названных подрывными.

Запретчики стали сжигать научные труды, уничтожать все произведения искусства, которые были созданы до них. Врачей, которые были в основном демократами, считали колдунами и убивали, и стали свирепствовать эпидемии. После образования женщин, технологии и медицины запретчики запретили путешествия, музыку, телевидение, книги, они даже запретили птицам петь, считая, что их пение может отвлечь от призывов к молитве... Запретчики переписали историю по-своему, исключив из нее все развлечения, кроме обязательного спектакля казней на стадионах. Повсюду царил страх.

— Тогда как же выжили мы? — спрашивает другой ребенок.

— Тиран наконец умер от старости. Между его сыновьями началась ожесточенная борьба за наследство. Отныне не стало ни великой армии, ни единой великой религиозной полиции. Теократическая империя разлетелась на куски. Бывшие офицеры превратились в боевых командиров. Там и сям силой воцарились независимые банды. Убить, чтобы не быть убитым, стало правилом. Перед лицом закона сильнейшие некоторые, как наши предки, решили уйти из городов, спрятаться в лесах, подальше от солдат, фанатиков и бандитов. Вот почему мы до сих пор здесь, и я могу рассказывать вам эту историю, которая является и вашей историей.

— Чего бы только я не отдал, чтобы подержать в руках книгу, — говорит один ребенок. — Узнать, как человек сделал так, чтобы летать в небе, как птица, разговаривать на расстоянии или делать свет без огня...»

Я не верю своим ушам.

Как и я, другие ученики узнали тем или иным способом о событиях, происшедших между 2035 и 2222. Мы с недоверием смотрим друг на друга. Значит, так легко привести развитую

цивилизацию к точке отправления?

Кронос спрашивает:

— Почему, по-вашему, эта цивилизация зачахла?

— Из-за диктатуры религиозного тирана, — предлагает кто-то.

— Это лишь симптом. Я жду больших перспектив от будущего бога.

— Демократы были убеждены, что их демократии сильнее, чем фанатичная религия, а когда они очнулись, было слишком поздно. Они недооценили противника.

— Это лучше.

— Слишком привыкнув к комфорту, демократы стали ленивыми и не хотели сражаться.

— Неплохо.

Каждый хочет предложить свою версию, и мы все говорим одновременно. Жестом Кронос приказывает говорить по очереди. Эдмонд Уэллс торопится поднять Руку:

— Существовал слишком большой разрыв между наиболее образованными и большей частью населения. Элита развивалась все быстрее, в то время как большинство не имело ни малейшего представления о том, как работают машины, которыми они, однако, ежедневно пользуются. Зачем поднимать потолок, когда пол проваливается?

— Их беспокоил собственный успех. Потому что он был непонятен. В то время как их крах возвращал их в знакомый, а значит, успокаивающий мир. Мир прошлого, — говорит Сара Бернар.

— Все произошло так, как будто плохие ученики избавились от хороших, чтобы спокойно оставаться среди посредственностей, — усердствует Гюстав Эйфель.

— Они постепенно потеряли свободу мысли, прогресс, сумму знаний, равноправие полов и отдали свою судьбу в руки наиболее ретроградных и циничных людей во имя принципов... терпимости! — подчеркивает Вольтер.

— Они были слишком оторваны от природы, — говорит Руссо.

— Они потеряли чувство красоты, — предлагает Ван Гог.

— Они опирались на технологию. Они считали, что наука сильнее религии, — указывает Сент-Экзюпери.

— Они были недоверчивы в отношении науки и доверчивы в вере, — уточняет Этьен де Монгольфьер.

— Возможно, потому что религия бесспорна, в то время как наука все время ставится под вопрос.

— Все они были кретины... Так им и надо. Они получили то, что заслужили, — изрекает Жозеф Пруд он.

— Ты не можешь так говорить, — возражает Вольтер. — У них почти получилось.

— Но... они провалились, — заключает анархист. — Религия — это ловушка для идиотов. И вот наглядное доказательство.

— Ты не можешь смешивать все религии в одну кучу. Была только одна, которая восхваляла насилие как мистический акт, именно так они установили террор, — говорит Люеьен Дюпре.

— Теперь, когда «Земля 17» вернулась в отправную точку, вы можете испытать свои силы в области божественной импровизации, — указывает Кронос.

В качестве правила игры бог времени предлагает выбрать каждому какое-нибудь человеческое сообщество из тех, что остались, и попытаться помочь ему развиваться.

Мы беремся за работу. С помощью снов, молний, медиумов мы стараемся повлиять на шаманов, колдунов, священников или людей искусства, чтобы лучше воздействовать на повседневную жизнь потерянных людей. С помощью кнопки «D» мы вмешиваемся в конфликты, поражая врагов избранного племени. Самым креативным мы пытаемся внушить технические,

научные или художественные изобретения. Это нелегко. Люди забывают свои сны, проснувшись, интерпретируют наши знаки как попало. Медиумы понимают то, что хотят. Иногда я раздражаюсь от такого непонимания.

Понемногу «язычники» начинают осознавать мое существование, поклоняться мне, и я внушаю им хоть какой-то порядок.

Наши божественные проявления сперва удивляют, потом пугают, затем завораживают. На «Земле 17» появляются новые религии. Зло, чтобы уменьшить зло. У моих друзей — почитающие их народы. Обожатели восхищаются Мэрилин. Даже во времена земной славы ей так не поклонялись.

Эдмонд Уэллс молчит и наблюдает за своими людьми, как раньше за муравьями.

Кронос ходит позади учеников и время от времени нагибается, чтобы посмотреть на нашу работу. Его морщинистое лицо остается непроницаемым, и мы не можем понять, доволен он или нет нашими вмешательствами. Марию Кюри нервирует суэта ее человеческого стада. Сару Бернар веселят глупости ее людей. Эдит Пиаф поет, ведя свою орду. Мата Хари предлагает зашифрованное изображение мадонны, не поддающееся расшифровке.

После двухчасового испытания нашей власти бог времени бьет в колокол и предлагает нам рассмотреть результаты работ. Большинству не удалось добиться лучших результатов, чем мне, за исключением, пожалуй, Люсьена Дюпре, сообщество которого, кажется, прогрессировало. Он действовал через потребление экзотических грибов. Живущие на острове, вне досягаемости хищных соседей, его люди практикуют искусство совместной жизни, похожее на сообщества хиппи 70-х годов. Они мирные и спокойные. У них свободные нравы, и каждый участвует во всех видах деятельности.

Кронос делает пометки в блокноте и спрашивает нас о первых впечатлениях.

— Если их слишком пугать, они становятся мистиками, — говорит один ученик.

— А если им все позволять, они делают еще больше глупостей в прямом смысле слова, то есть ведут себя, как звери, — огорчается другой.

— Если они перестают бояться кары, они теряют уважение ко всему.

— А почему, как вы считаете? — спрашивает профессор.

У каждого своя идея.

— У них нечто вроде естественной тяги к смерти и разрушению. Без полиции и наказания они не уважают других, — говорит какая-то девушка.

— Почему? — тонко спрашивает профессор. Ответы множатся.

— Может быть, потому что они не понимают в действительности, что это такое.

— Потому что они не любят друг друга.

— Потому что им не нравится глобальный проект их вида.

— Потому что они его не видят.

— Потому что они его не представляют.

— Потому что они постоянно живут в страхе, — говорю я.

Кронос оборачивается ко мне.

— Развивайте вашу мысль.

Я думаю:

— Страх ослепляет их и мешает предвидеть спокойное существование в долгосрочной перспективе.

Эдмонд Уэллс качает головой.

— Они боятся, потому что для эволюции их сознания было слишком рано, когда их технологии стали развиваться чересчур быстро. Они располагали необыкновенными орудиями, в то время как их душа была еще на уровне 3. Поэтому они вернулись к технологии,

соответствующей их уровню души. Базовая технология для базовых существ.

Большинство учеников одобряют.

Кронос, кажется, также удовлетворен этим ответом.

— Подождите, — вмешивается Люсьен Дюпре. — Некоторые таковы, но не все. В моем сообществе, например, они вышли из состояния страха и движутся к любви. Они перешли через 3, они сейчас 4 и даже стремятся к 5.

— У тебя получается, потому что их немного, — заключает другой ученик.

— Их всего две или три сотни на человечество, которое раньше насчитывало двенадцать миллиардов человек, а сейчас сократилось до трех миллиардов из-за религиозного фанатика, но это хорошее начало. И потом то, что небольшое количество решительных людей смогло разрушить с помощью этой религии, другие смогут восстановить с помощью духовности.

— Да, но их новая религия — это мы, — иронизирует Прудон. — Мы заменяем религию, которую они придумали, той которую им навязывают. Какая разница?

— Я говорил не о религии, а о духовности.

— Для меня это одно и то же.

— А для меня это две противоположности. Религия — это готовое мышление для всех, а духовность — это развитое восприятие того, что может быть «над собой», — говорит Люсьен Дюпре. — И для каждого оно различно.

— Ну что, знаменитый Великий Бог, что ты думаешь, сидя там, наверху, это что, религия или духовность? — спрашивает Прудон насмешливо.

Дебаты разгораются. Кронос снова бьет в колокол.

— Пора перейти к следующему упражнению. То, что было сделано от нашего имени, будет от нашего имени уничтожено, — заключает бог времени, поглаживая бороду. — Пора обрушить на эту планету — «черновик» наш божественный гнев.

На всех часах и будильниках 19 часов вечера, сумерки снаружи начинают проникать в зал.

— Хорошо. Отрегулируйте ваши кресты, повернув колесико «D» на максимум.

— Но это будет геноцид! — восклицает Люсьен Дюпре.

Кронос пытается урезонить смутьяна.

— Твой опыт незначителен. Рядом с твоим маленьким успехом с несколькими сотнями индивидуумов существуют миллиарды людей, потерпевших полнейшее поражение, и нужно прекратить их страдания.

— Но мое сообщество доказывает, что их можно спасти. Мой «маленький» успех, как вы говорите, может быть заразен, — утверждает Люсьен Дюпре.

— Твой успех доказывает, что ты достаточно способный бог, и я уверен, что в Большой Игре ты будешь великолепен.

— Какой Большой Игре?

— Игре богов-учеников. Игре «Игрек».

— Но я не хочу играть в вашу игру «Игрек», я хочу продолжать помогать моему сообществу. Посмотрите, как они счастливы. У них есть маленькая деревня, они вместе ее убирают, у них нет ссор, они занимаются искусством, поют...

— Это лишь капля чистой воды в грязном океане. Теперь пора поменять таз, — нетерпеливо говорит Кронос.

— А нельзя их оставить в стороне, в колбе? — спрашиваю я на всякий случай.

— Нового не делают из старых материалов. Эти люди, к которым, как вам кажется, вы привязались, потому что начали их понимать, погрязли в дурных привычках, вышедших из миллионов лет ошибок и насилия. Они поднялись и опустились вновь. У них уровень сознания времен нашей Античности. Мен-тальность рабов. Из них ничего не получится. Это даже не

«состоявшиеся» люди. У них уровень сознания на отметке 3,1. 3,1, вы меня слышите, в то время как у вас 7. Это... животные.

— Даже животные заслуживают жить, — говорит Эдмонд Уэллс.

— Вместо того чтобы награждать их добродетелями, вспомните их пороки. Вы что, не видели их пыток, их несправедливостей, их фанатизма, их трусости, их дикости, наконец? Неужели вы не поняли, с какой легкостью примитивная и жестокая религия воцарилась на всей планете безо всякого реального сопротивления? Это произошло. И произойдет снова. Очень жаль, мой бедный Люсьен, но это пропащие люди...

Несколько учеников одобрительно шушукуются. Кронос пользуется этим, чтобы поставить точку.

— Вы просто добьете агонизирующее человечество. Оно много пожило. Оно написало 2222 на своих календарях, но на самом деле ему уже три миллиона лет. Оно страдает от ревматизма и рака. Я уверен, что если бы оно могло говорить, оно умоляло бы о том, чтобы его страдания прекратили. Это не преступление, это эвтаназия.

Люсьен далеко не убежден.

— Если это — быть богом... то я предпочитаю уволиться.

Он поворачивается к нам.

— Вы тоже должны отказаться. Вы что, не понимаете, что вас заставляют сделать нечто недостойное? Берут планету, играют с ней, а потом уничтожают. Как будто давят... насекомых!

Лицо Эдмонда Уэллса передергивает гримаса, но он опускает глаза. Люсьен садится на стол.

— Эй, ребята! Проснитесь, боже мой! Вы не поняли, что должно произойти?

Никто не движется. Нужно сказать, что мы не очень довольны нашими человеческими сообществами. Только Люсьену Дюпре удалось добиться развития его человеческого стада. Ему одному есть что терять. Даже у моих людей из леса есть хронические проблемы со здоровьем, которые мне не удастся решить. Дезинтерия... Хоть они и жуют листья, обладающие болеутоляющими свойствами, это ничего не меняет. Думаю, у них в воде слишком много амёб.

Люсьен обращается к нам по очереди.

— А ты, Руссо, и ты, Сент-Экзюпери, и ты, Мель-ес, и ты, Эдит Пиаф, Симона Синьоре... Эдмонд Уэллс, и ты, Рауль, и ты, Мишель, и ты, Мата Хари, и ты, Гюстав Эйфель... вы оставите целый мир умирать?

Мы опускаем глаза. Никто не реагирует.

— Очень хорошо. Я понял.

Подавленный, Люсьен слезает со стола и идет к выходу.

— Остайся! — бросает Мэрилин Монро.

— Мне больше не интересно быть богом-учеником, — говорит Люсьен, не оборачиваясь.

— Ты можешь помогать людям. Может быть, не этим, но другим, которых нам предложат позднее, — шепчет ему Сара Бернар, когда он проходит рядом с ней.

— Чтобы потом их убить? Хорошее дело. У меня та же власть, что и у животновода, выращивающего свиней для бойни.

Люсьен отталкивает руки друзей, которые пытаются его задержать, и направляется к двери. Кронос не делает ни одного жеста, не произносит ни единого слова, чтобы ему помешать. Лишь после того, как бывший оптик выходит, он бормочет:

— Бедный парень. Он не отдает себе отчета в том, что потерял. На каждом курсе бывают слишком чувствительные души, которые не выносят потрясения. В конце концов, чем раньше они уйдут, тем лучше. Есть еще нежные души, которые хотят выйти из игры? Они могут заявить о себе сейчас.

Никакой реакции.

Кронос отворачивается от двери.

— Теперь наступает момент, который я люблю больше всего, — объявляет он.

Он втягивает воздух, шумно выдыхает, сосредоточивается, как будто готовится попробовать вкусное блюдо.

— Огонь!

Прудон стреляет первым. Огромный айсберг откалывается от южного полюса и тает в мгновение ока. Другие ученики следуют его примеру. После некоторого колебания я настраиваю свой крест, вскидываю его и целюсь. Мы сперва удивляемся, видя, что когда стреляем здесь, это бьет там. Затем, как будто в исступлении, мы обрушиваемся на льды. Я осознаю, что получаю некоторое удовольствие от разрушения, возможно, большее, чем от созидания. Мы испытываем чувство мощи. Мы — боги.

Таяние льдов привело к повышению уровня океана. Гигантские цунами обрушиваются на побережья, разрушают прибрежные деревни, затопляют земли, разбивают береговые утесы, поглощают долины, превращают вершины гор в острова, которые вскоре тоже скрываются под водой. Через несколько минут на всей планете не остается ни одного кусочка земли, который бы не был затоплен.

Когда Кронос приказывает: «Прекратить огонь!», там, где были семь обширных континентов, теперь только один черный глухой океан, по которому бегут пенистые волны. Самая высокая вершина находится на одном уровне с водой.

Редкие животные и люди, которым удалось чудом спастись, пытаются избежать смерти, хватаясь за плавающие обломки. Увеличив приближение с помощью креста, я замечаю что-то вроде Ноева ковчега. Потом еще один. Люди нашли способ выжить. Восхитительное упорство.

— Прекратите их страдания, — приказывает Кронос.

Отрегулировав кресты для точной стрельбы, боги поражают крошечные плавающие цели.

Никаких людей больше не видно. Не имея места, куда сесть, птицы кружатся в воздухе, перед тем как упасть, истощенные, в воду, где морской мир пытается восстановиться в правах.

Но, растопив полюса, мы вызвали также огромное облако пара, которое покрывает планету и закрывает небо. Солнечные лучи больше не доходят до поверхности, и температура резко падает. Так быстро, что через несколько мгновений вода замерзает.

Рыбы оказываются в воде, которая твердеет. Скоро планета «Земля 17» становится ледяной. Ее поверхность превращается в самый гигантский каток, какой только можно представить. Не существует больше никакой формы жизни: ни человеческой, ни животной, ни растительной.

Конец пути для «Земли 17», которая превратилась в идеально гладкую жемчужину, отливающую перламутровым блеском.

Летящее в космосе белое яйцо.

Все начинается и все заканчивается яйцом. В большинстве мифологий яйцо является символом рассвета и заката.

В самых древних египетских космогониях создание мира описывается как выход из космического яйца, содержавшего в себе солнце и зародыши жизни. Для адептов орфики Кронос, пожирающий время, и Фаэтон, ночь с черными крыльями, снесли в темноте серебряное яйцо, содержавшее небо в верхней части и землю в нижней. Когда оно открылось, из него вышел Фанес, бог-разоблачитель, изображавшийся в виде жужжащей пчелы.

Для индусов Вселенная вначале была лишена сущности, пока не приняла форму яйца, скорлупа которого является границей между ничем и чем-то: Ираниягарба. Через год это космическое яйцо раскрылось, и его внутренний мешочек превратился в облака, вены стали реками, а жидкость — океаном.

Для китайцев вселенский хаос породил яйцо, которое расколосось, освободив землю Инь и небо Янь. Для полинезийцев вначале было яйцо, содержащее Те-туму, основание, и Те-папа, скалу. Когда оно расколосось, появились три стоящие одна на другой платформы, на которых Те-туму и Те-папа создали человека, животных и растения.

В каббале Вселенная рассматривается как вышедшая из расколовшегося на 288 кусков яйца. Яйцо можно найти также в центре космогонии у японцев, финнов, славян и финикийцев. Являясь символом плодородия у одних народов, у других оно, напротив, является символом смерти, и они едят яйца в знак траура. Они даже кладут их в могилы, чтобы придать скончавшемуся силы для потустороннего путешествия.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

30. ВКУС ЯЙЦА

Яйца. Нам дают есть сырые яйца, стоящие в деревянных подставках. Ложками мы стучим по скорлупе, перед тем как тщательно удалить ее осколки, чтобы они не попали внутрь.

Мы сидим на длинных скамьях в расположенном в северной зоне Мегароне. Это большое круглое здание было построено как столовая для богов-учеников.

Мы усаживаемся за столы из древесины акации, покрытые белыми хлопковыми скатертями, где нас ожидают пирамиды яиц. Из-за жары двери раскрыты настежь. Сидя в стороне, Рауль нас избегает.

Я погружаю ложку в желток и подношу ко рту. Наконец я попробую настоящую пищу. Я так долго был этого лишен. Какое ощущение! Я чувствую вкус яйца на языке, на нёбе. Я отличаю белок от желтка. Это одновременно соленое, сладкое, терпкое и такое нежное. Миллионы вкусовых рецепторов просыпаются в удивлении. После зрения, осязания, слуха и обоняния я вновь обнаруживаю еще одно чувство: вкус.

Жидкое яйцо течет как ручеек по моему горлу. Я ощущаю, как оно скатывается по моему пищеводу, а потом ощущение исчезает.

Есть. Глотать этот поток белка и золотого желтка. Блаженство. Я выпиваю яйцо за яйцом.
— В Голландии, — говорит Мата Хари, — в моей родной деревушке Лееварден был обычай бросать яйцо через крышу нового дома. Там, где оно падало, нужно было закопать то, что от яйца осталось. Согласно народному поверию, считалось, что молния ударит в это место. Естественно, нужно было бросить яйцо как можно дальше, чтобы избежать опасности.

Эдмонд Уэллс крутит яйцо в руках.
— Я еще не думал о том, что до стадии 1, минерала, существовала стадия 0, яйцо. Кривая любви, но абсолютно замкнутая...

На белой скатерти он рисует пальцем ноль.
— Действительно, все отсюда выходит и все сюда возвращается, — подтверждает Гюстав Эйфель. — Яйцо, ноль. Замкнутая кривая.

Яйцо напоминает мне «Землю 17», замерзшую планету, и, охваченный приступом тошноты, я забываю новое удовольствие, снова вижу последних обитателей, машущих руками в воде, борющихся в ледяном океане, и не могу сдержаться. Я бегу в кусты и меня рвет.

Эдмонду, который прибегает помочь мне, я бормочу:
— Люсьен, возможно, был прав...
— Нет, он был неправ. Подать в отставку — значит бросить партию. А поскольку мы в ней, можно попробовать улучшить ход вещей. Но если выйти из игры, все потеряно.

Мы возвращаемся за стол, где остальные, занятые дискуссией, предпочитают не замечать моего недомогания.
— Что будет с Люсьеном? — беспокоится Мэри-лин.

Действительно, он не присоединился к нам за столом, и хотя я внимательно осмотрел все вокруг, в другом месте его тоже нет.
— Если он отправился на гору, его мог схватить кентавр, — делает предположение Эдмонд Уэллс.

— Или дьявол, — добавляет другой ученик.
Мы все содрогаяемся. От произнесения этого слова по спинам присутствующих пробегает холодок.

Появляется Дионис и объявляет, что после обеда состоится церемония траура по человечеству «Земли 17». Мы должны переодеться, надеть новые тоги и собраться в

Амфитеатре.

Мне не удастся прогнать от себя образы этих человеческих «стад», утопленных нашими руками.

31. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СМЕРТЬ

В картах марсельского таро смерть-возрождение символизируется 13-м арканом, арканом без названия. На ней изображен скелет телесного цвета, косящий черное поле. Его правая нога погружена в землю, а левой он опирается на женскую голову. Вокруг три руки, нога и две белых кости. Справа улыбающаяся голова с короной. Из земли торчат желтые и голубые ростки.

Эта карта отсылает к латинскому изречению: *Visita Interiorum Terrarum Rectificando Oportet Lapidem*. «Посети внутренность земли, и, исправившись, ты найдешь спрятанный камень».

Таким образом, нужно использовать косу и выровнять, срезать то, что выступает, чтобы, из черной земли смогли возродиться желтые ростки.

Это карта самых сильных изменений. Именно поэтому она пугает.

Она также означает критический момент в игре.

Двенадцать предыдущих арканов рассматриваются как маленькие загадки. Но начиная с тринадцатого, следующие являются большими загадками. С этого момента появляются карты, украшенные облаками с ангелами или небесными символами. Вмещивается высшее измерение.

Все инициации проходят фазу смерти-возрождения. В эзотерическом смысле она означает глубокое изменение, которое трансформирует человека в ходе инициации. Если он не умрет как несовершенное существо, он не сможет возродиться.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5

32. ТРАУР

У меня во рту горечь. Я снова думаю о Жюле Берне. «Он слишком рано прибыл», — сказал Дионис. Слишком рано, чтобы увидеть что? Кулисы до представления?..

Здесь происходят странные вещи.

Оры встречают нас в Амфитеатре. Мы собираемся в центре.

Как и в прошлый раз, нас окружают кентавры с барабанами, вскоре к ним присоединяются другие с охотничьими рожками, издающими очень низкий звук. Они начинают речитатив, монотонную протяжную мелодию, переходящую в погребальную песню, когда Атлант ставит перед нами в стеклянной оболочке гладкое яйцо, в которое превратилась скончавшаяся «Земля 17».

Дионис встает.

— Умер мир. Подумаем все об этом человеческом множестве, которое сделало то, что смогло, но которому не удалось подняться.

Он делает благоговейный жест.

— Здесь покоится человечество, которое потерпело крах.

Он целует стеклянный шар. Кронос не делает никаких комментариев. Некоторые ученики, кажется, смущены.

Ритм барабанов убыстряется, и рожки начинают играть менее грустную мелодию. Начинается праздник, и ученики собираются в группы по интересам.

Среди влюбленных в завоевание неба Клеман Адер, пионер авиации, один из братьев Монгольфьер, пионер полетов на воздушных шарах, военный пилот и поэт Антуан де Сент-Экзюпери, воздушный фотограф Надар. Любитель пересечения океанов барон и корсар Робер Сюркуф беседует с маркизом де Лафайетом.

Артисты, художники, скульпторы и актеры собрались в другую группу. Здесь Анри Матисс, Огюст Роден, явно помирившийся с Камиллой Клодель, Бер-нар Палисси, Симона Синьоре и Сара Бернар. В стороне стоят писатели Франсуа Рабле, Мишель де Мон-тень, Марсель Пруст, Жан де Лафонтен. Я присоединяюсь к друзьям теонавтам: Фредди Мейеру, Мэри-лин Монро и Эдмонду Уэллсу. Рауль по-прежнему где-то шатается, и некоторые ученики предпочитают тоже оставаться одни, как Гюстав Эйфель, Мата Хари, Жорж Мельес, Жозеф Прудон, Эдит Пиаф.

Но во всех группах царит оживленная дискуссия.

Каждый упорно пытается понять законы, которые руководят нашим новым миром. Мата Хари кладет конец догадкам, смело направившись в центр площадки.

Она проворно снимает тогу, стесняющую движения, и, оставшись в одной тунике, начинает томный восточный танец. Руки округляются, ноги сгибаются, красивое лицо остается неподвижным, а взгляд загадочным. Я понимаю, почему эта женщина могла обольстить столько мужчин.

Она кружится вокруг сферы с останками «Земли 17», как будто хочет ее разбудить. Три луны Олимпии отражаются в гладком стекле, и их бледные ореолы усиливают магию происходящего. Мата Хари кружится все быстрее. Ритм ускоряется, ее тело становится похожим на змею, содрогающуюся рывками, и наши рты открываются, чтобы произнести звук, который объединяет нас как единый голос: «Ааааааааххххх», в то время как мы бьем в ладони, а кентавры — в барабаны.

Танцовщица движется с опущенными веками. Мое сердце бьется в унисон с барабанами, руки поднимаются, я скандирую что-то вместе с толпой. Мата Хари вовлекает нас в свой транс.

Вдруг она падает. Музыка смолкает. Мы обеспокоены, но она встает, улыбаясь.

— Какая танцовщица, какая удивительная танцовщица! — повторяет рядом со мной Жорж Мельес, аплодируя без остановки.

Но внимание уже отвлекает другая сцена. Входит группа главных богов, узнаваемых по их росту и тогам ярких цветов. Они расходятся по толпе, а потом снова собираются вместе. Последним в Амфитеатр проскальзывает грациозный силуэт. И хотя нам ее не представили, я знаю, кто это. Это она.

Ах, отныне все для меня будет до того, как я увидел Афродиту, и после того. Красивая — сказать это, значит не сказать ничего. Она само воплощение Красоты.

В складках ее пурпурной тоги появляются и исчезают ноги идеальных очертаний, охваченные от лодыжек до колен золотыми ленточками сандалий.

Ее золотистые волосы каскадом падают на красную ткань. Ее грудь едва скрыта. На тонкой шее колье из драгоценных камней, аметистов, опалов, рубинов, бриллиантов, гранатов, бирюзы и топазов лишь подчеркивает блеск изумрудных глаз. Высокие скулы подчеркивают плавные черты лица. В нежных ушах серьги, изображающие глаза.

Барабаны и охотничьи рожки снова начинают играть нежную мелодию. Им хором отвечают колокола из дворца Кроноса. Фредди Мейер и Мэрилин Монро открывают бал. На танцевальной площадке образуются необычные пары. Я не могу покинуть взглядом Афродиту, которая приветствует других главных богов.

— Все в порядке? — спрашивает Эдмонд Уэллс. Он смотрит на меня с удивлением, а потом, качая головой, идет к Афродите, которая склоняет прекрасное тело, чтобы выслушать то, что он говорит ей на ухо, кажется удивленной, и наконец поворачивает взгляд в мою сторону.

Боже мой.

Она на меня смотрит!

Она идет ко мне. Она со мной говорит!

— Ваш друг утверждает, что вы слишком застенчивы, чтобы осмелиться меня пригласить, — произносит льющийся откуда-то издалека голос с легким греческим акцентом.

Я чувствую совсем рядом ее запах.

Биение сердца заставляет колыхаться мою тогу. Мне нужно ей ответить, но пересохший рот больше не слушается меня.

— Вы, возможно, хотите танцевать? — продолжает она.

Она касается меня рукой. От контакта с ее кожей по мне как будто пробегает электрический разряд. Словно вслепую, я позволяю вести себя к танцевальной площадке, где она обхватывает меня другой рукой. Она выше меня больше чем на голову и вынуждена нагнуться, чтобы я услышал ее шепот:

— Скажите, вы... «Тот, кого ждут»?

Я прочищаю горло, чтобы освободить голосовые связки, и выдавливаю:

— Ээ...

— Сфинкс утверждает, что «Тот, кого ждут», знает ОТВЕТ.

— Ээ... а что за вопрос?

— Сфинкс сформулировал вопрос, чтобы узнать «Того, кого ждут».

— Это загадка: «Утром на четырех, днем на двух, вечером на трех»? Я знаю ответ на нее: человек. Ребенком он ползает на четырех конечностях, взрослый ходит на двух, а стариком, с палочкой, на трех.

Она доброжелательно улыбается.

— О, эту загадку богам-ученикам задавали три тысячи лет назад. Она очень пригодилась Эдипу, но Сфинкс с тех пор придумал много новых. Послушайте, вот последняя.

Прекратив танцевать, она шепчет мне на ухо, подчеркивая каждую букву. Я чувствую рядом

с ухом ее горячее благоухающее дыхание.

«Это лучше, чем Бог.

Это хуже, чем дьявол.

У бедных это есть.

А у богатых нет.

А если это съесть, то умрешь.

Что это?»

33. МИФОЛОГИЯ: ОЛИМПИЙЦЫ

После царствования бога Хаоса и Кроноса — бога времени, наступила эра богов-олимпийцев. Зевс, новый владыка мира, распределил роли и почести в соответствии с усердиями его братьев и сестер в борьбе против титанов. Посейдон получил контроль над морями. Гадес стал владыкой царства мертвых. Деметра получила поля и урожаи. Эстия — огонь. Гера — семью, и так далее.

Закончив раздел, Зевс построил дворец на вершине горы Олимп и объявил, что там будут проходить все встречи богов, на которых они будут решать судьбы Вселенной.

Однако мать Гея была раздражена превосходством ее сына и родила ужасного монстра: Тифона. Это было чудовище с сотней драконьих голов, изрыгающих пламя. Он был таких размеров, что малейшее движение вызывало бурю. И когда он появился на Олимпе, боги были так напуганы, что приняли вид животных и убежали в египетскую пустыню. Зевс остался один на один с Тифоном. Монстр победил короля богов. Он перерезал ему нервы и сухожилия и унес в пещеру. Однако Гермес, молодой шаловливый бог, ставший союзником олимпийцев, вооружился каской-невидимкой Гадеса и освободил Зевса. Он восстановил нервы и сухожилия и вернул царя на Олимп. Тифон вернулся, но на этот раз Зевс поразил его с вершины молнией. Монстр оторвал куски горы, чтобы бросить их на вершину, но Зевс молниями разрушил их. Обломки упали вниз и раздавили Тифона. Зевс заковал его в цепи и бросил в кратер вулкана Этна, где он иногда просыпается и снова плюется огнем.

Эдмонд Уэллс «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», том 5 (с помощью Франсиса Разорбака, вдохновлявшегося «Теогонией» Гесиода, 700 год до н. э.)

34. В ГОЛУБОМ ЛЕСУ

Новый ночной побег. Все теонавты, Фредди Мей-ер, Мэрилин, Эдмонд Уэллс и я, собрались. Даже Рауль следует за нами, правда, на расстоянии, поскольку он еще не победил свою злобу.

Эдмонд Уэллс идет рядом со мной.

— Ну и как она, Афродита?

— Лучше чем бог, хуже, чем дьявол... — Потом я добавляю:...У бедных это есть, а у богатых нет, а если это съесть, то умрешь. Что это? Вы так любите разгадывать загадки, вы сможете разгадать эту, загаданную мне богиней.

Он замедляет шаг.

— Ответ должен быть простым, — наконец произносит учитель. — Пока я его не нахожу, но я подумую еще. Мне нравится эта загадка.

На берегу голубого потока мы начинаем строить плот, чтобы во время переправы нас не схватили сирены. Мы срезаем тростники и связываем их лианами. Мы работаем аккуратно, стараясь производить как можно меньше шума.

— У тебя нет в запасе какого-нибудь анекдота? — спрашивает Эдмонд у Фредди, не прекращая связывать тростники.

Раввин роется в памяти:

— Есть. Это история про одного типа, который провалился в зыбучие пески. Он погрузился уже по пояс, когда приехали пожарные его спасать. «Не утруждайте себя, — говорит тип, — я верю, Бог меня спасет». Он погрузился уже по плечи, когда пожарные возвращаются и предлагают бросить ему веревку. «Нет, нет, — повторяет тип, — вы мне не нужны. Я верю, Господь меня спасет». Скоро наружу торчит одна голова. Пожарные снова возвращаются, а тип опять повторяет: «Нет, нет, у меня есть вера. Господь меня спасет». Пожарные не настаивают. Начинает погружаться и голова. В песок уходит подбородок, нос, глаза, человек задыхается и умирает. Попав в Рай, он начинает упрекать Бога: «Почему ты меня покинул? У меня была вера, а ты ничего не сделал, чтобы меня спасти». — «Ничего не сделал, ничего не сделал для твоего спасения? — восклицает Бог. — Какая неблагодарность! А эти пожарные, которых я посылал к тебе три раза?»

Общий смех помогает расслабиться. Ночь начинает казаться менее угрожающей. Со своей стороны Рауль бьет по зарослям. Может быть, он считает, что его отцу удалось ускользнуть из логова сирен и спрятаться в лесной чаще? Однажды он обнаружил его повесившимся в туалете, на полу лежала незаконченная книга. В следующий раз родитель показал ему фортель под названием «Покажи себя достойным меня после моей смерти», и он снова оказался неспособен последовать за ним. Я понимаю, что ответственность за это он перекладывает на нас, — на меня, в частности.

Не обращая больше внимания на Рауля, мы продолжаем собирать тростник, как вдруг появляется грифон, странное создание с крыльями летучей мыши, орлиным клювом и телом льва. Мы поспешно достаем кресты, готовые стрелять и бежать. Зверь, однако, лишен воинственных намерений. Он не издает никаких криков, способных привлечь кентавров. Наконец, он даже дружески склоняет голову мне на плечо, и тогда я замечаю, что грифон косоглазит. Как Люсьен Дюпре! Неужели это он?

Но грифон оказывается здесь не единственной химерой. Сирена высовывается из воды и тянет руки к Раулю, который в страхе отступает назад. Она хочет что-то сказать, но лишь грустное протяжное пение выходит из пухлых губ. Рауль в замешательстве замирает. Моя

интуиция быстро превращается в уверенность. Если грифон с косоглазием — превращение Люсьена Дюпре, эта сирена рядом с моим другом вполне может быть метаморфозой его отца Франси-са. Значит, выгнанные или наказанные ученики превращаются в химер. Вот где объяснение...

Эти кентавры, херувимки, сатиры, все эти удивительные создания — возможно, бывшие ученики, которые провалились. Теперь они немые и не могут ничего рассказать. Остается вопрос: связано ли превращение с местом, где они потерпели поражение? Убежав в лес, Люсьен стал грифоном. Усчезнувший в потоке Франсис теперь сирена. Прошлое личности также должно играть роль, поскольку рядом с нами садится приветливая птица-лира с переливающимися крыльями и уже выводит мелодичные трели. Клод Дебюсси? Вот почему кентавры так спешат унести жертв. Чтобы мы не увидели их превращений и секрет остался нераскрытым.

Эдмонд Уэллс отважно гладит львиную гриву грифона, а тот не противится. Сирена рядом с Раулем продолжает издавать жалобные звуки.

Мэрилин тоже поняла:

— Рауль, — кричит она, — возьми эту сирену на руки. Это твой отец.

Сирена кивает головой. Рауль недоверчиво застывает на месте, а потом решается неуверенно подойти к этой женщине-рыбе, тянущей к нему руки. Ему трудно представить отца в этом существе с нежными женскими чертами, длинные мокрые волосы которого спадают на впечатляющие груди... Его отец — это существо, которое тянет его за руку к нам, чтобы он тоже участвовал в строительстве плота...

— Но, отец...

— Пение сирены велит ему слушаться.

— Твой отец знает, что делает, — говорит Фредди. — А что до нас, мы всегда тебе рады.

— Все мы, — подтверждает Мэрилин. — «Любовь как шпага, юмор как щит».

После недолгих колебаний Рауль повторяет вместе с нами старый девиз. Его хмурое лицо светлеет. Мы обнимаемся. Я счастлив вновь обрести друга.

Сооружение плота продолжается под внимательными взглядами грифона, сирены и птицы-лиры.

Когда в час утра встает второе солнце, наш чёлн готов. Мы спускаем его на воду и занимаем места. Мы движемся с помощью длинных веток, служащих веслами. Франсис Разорбак помогает, толкая плот крепкими руками и мощным хвостовым плавником.

А что другие сирены, спят? Легкое течение сносит нас вправо. Но с помощью весел мы не даем себя унести. Продолжая грести, мы следим за матовой поверхностью.

Из воды внезапно появляется рука. Я успеваю только крикнуть:

— Осторожно!

А из воды уже повсюду появляются женские руки, как внезапно выросшие кувшинки. Они хватают наши весла, тянут за них, пытаясь повалить нас. Большинство бросает ветки, чтобы не быть унесенными потоком. Рауль вынимает крест и устанавливает колесико D. Он стреляет в воду, но сирен больше не видно.

Франсиса Разорбака схватили две сирены, которые пытаются утянуть его на глубину, чтобы он не смог нам помочь.

Внезапно мы ощущаем движение под плотом. Они хотят нас перевернуть. Мы стреляем, но не можем их поразить. В конце концов из-за качки наш импровизированный плот переворачивается. И вот мы все в воде.

Я наглотался воды, прежде чем мне удастся высунуть голову. Осматриваюсь, в каком направлении у меня больше шансов достичь берега. Ближе тот, от которого мы отплыли.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)